

Slavny Sladostny Nabavny.

Ne zavrastavaj glasno

one vstavaj.

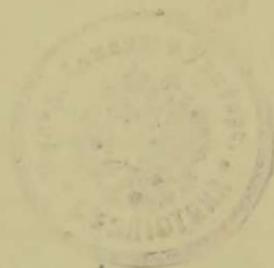
2. Spisani, 1878. 1. 1. 1. 1.

1878

Губернаторъ Константинъ Волковъ
Вологнецъ

КАИНСКАЯ БАРАБА.

Составилъ Кн. Н. Костровъ.

ТОМСКЪ

Въ Типографіи Губернскаго Правленія

1874

Перепечатано съ дозволенія цензуры изъ № № 25, 27, 32, 34,
35, 37, 38, 40, 41, 43, 44 и 45.

I.

Барабинскіе Татары рассказываютъ слѣдующее, сохраненное между ними, преданіе: Во времена царя Кучума, на мѣстѣ, гдѣ они обитаютъ теперь, было поселено семь братьевъ, родоначальниковъ семи образовавшихся въ послѣдствіи колѣнъ; когда русскіе стали тѣснить Кучума и онъ собрался бѣжать въ Бухарію, то сталъ звать съ собою и семь братьевъ; тѣ отвѣчали ему "*барамыш*", т. е. пойдѣмъ,—однакожь не пошли. Отъ этого слова получила названіе и обитаемая ими мѣстность—*Бараба*.—„Что касается до имени Барабы, говоритъ Фишеръ, то испорчено оно изъ *Барамы*, которое собственно есть названіе одной токмо волости въ сей степи; но оная есть многочислѣннѣйшая и знатнѣйшая между прочими, и для того Татарами называется еще *Улу-Барама*, т. е. большая Барама, и Россіяне по ней назвали всю степь *Барабою*.“

Въ географическомъ смыслѣ—*Барабою* или Барабинской степью *) называется обширная низменность, лежащая на западной и сѣверо-западной сторонѣ Алтайскаго нагорья, простирающаяся между р. р. Обью и Иртышемъ далеко на западъ въ Тобольскую губернію и Акмолинскую и Семипалатинскую области. По различнымъ свойствамъ, которыя, впрочемъ, недостаточно выяснены измѣреніемъ абсолютныхъ высотъ, эта низменность подраздѣляется на три отдѣльныя площади или степи—*Кулундинскую*, охватывающую половину Барнаульскаго ок-

*) Академикъ Миддендорфъ считаетъ несправедливымъ это названіе и предлагаетъ называть Барабу *березовой степью*. „Ни климатъ, ни слишкомъ большая сухость почвы не препятствуютъ тутъ древесной растительности; почва столько же удобна для березы, сколько для земледѣлія, тѣмъ болѣе, что при своемъ песчано-глинистомъ и мергелевомъ составѣ, она постоянно освѣжается влажностію, такъ какъ на очень умѣренной глубинѣ подпочвы повсюду встрѣчается вода.“ *Бараба*. Сп. 1871 г. стр. 30.

руга и отчасти самую западную полосу Бійскаго округа Томской губернии, и ограничивающуюся на сѣверѣ линіею отъ верховьевъ р. Кулунды до группы озеръ Чаны, на западѣ границами Тобольской губернии, а на югѣ границами Акмолинской и Семипалатинской областей; *Барабинскую* въ тѣсномъ смыслѣ, лежащую между Кулундинскою и Васѣ—юганскою, отъ границъ Тобольской губернии до лѣваго берега р. Оби, и даже переходящую на лѣвый берегъ означенной рѣки, къ югу до предгорій Алтай, а къ западу до предгорій Салаирскаго кряжа, и наконецъ *Васѣ—юганскую*, находящуюся къ сѣверу отъ Барабинской и захватывающую своею площадью всю сѣверную часть Каинскаго округа и западную половину Нарымскаго края Томской губернии. Такимъ образомъ Барабинская степь или Бараба въ собственномъ смыслѣ, занимая среднюю полосу всей этой обширной низменной мѣстности, заключаетъ въ своей площади—сѣверную часть Барнаульскаго округа и отчасти даже сѣверо—западную Бійскаго, всю южную половину Каинскаго и югозападную часть Томскаго. Предметомъ настоящихъ очерковъ будетъ преимущественно только та часть этой степи, которая лежитъ въ Каинскомъ округѣ Томской губернии.

По плавиметрическому измѣренію астронома Швейцера, площадь Каинской Барабы занимаетъ пространство въ 1411, 4 кв. геогр. миль или 68290 кв. в., а по приблизительному исчисленію Директора Центрального Статистическаго Комитета П. П. Семенова—1389, 9 кв. миль или 67251 кв. в., слѣдовательно до 7,005,312 десятинъ. Она составляетъ 8. 8⁰/₁₀₀ всей площади губернии (15688, 6 кв. м. или 759068 кв. в.).

Главныя характеристическія черты Барабы составляютъ—необыкновенная ея низменность, при отсутствіи всякихъ поднятій (горъ и холмовъ) и твердыхъ горныхъ породъ *); обиліе

*) Только въ сѣверной части ея, а именно въ Васѣ—юганской степи, проходитъ, въ направленіи отъ ю—в къ с—з, самый пологій водораздѣлъ, съ котораго рѣки текутъ на с—в въ Обь и на ю—з въ Иртышъ и Омь. Они покрыты сплошными лѣсами. „На всей этой равнинѣ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ миль жителямъ неизвѣстны камни, и настоящій обитатель Барабы, неимѣвшій случая удалиться отъ мѣста родины своей на нѣсколько сотъ верстъ, долженъ дать полный просторъ своему воображенію, чтобы составить себѣ понятіе о камняхъ.“ Миддендорфъ.—Бараба, стр. 38.

прѣсноводныхъ, значительныхъ по величинѣ озеръ; весьма тихое теченіе рѣкъ, вслѣдствіе чего оны не имѣють стока и остаются въ озерныхъ бассейнахъ; наконецъ, обиліе болотъ. Городъ Каинскъ, имѣющій довольно центральное положеніе въ этой степи, не превосходить 320 р. ф. надъ уровнемъ моря. На всемъ пространствѣ степи нельзя встрѣтить ни одного камня. Озеръ въ одномъ Каинскомъ округѣ считается болѣе 300. Прѣсноводность ихъ зависитъ, какъ полагають, отъ того, что чрезъ эти озера, въ геологически недавнее время, протекали рѣчки достигавшія Иртыша, и по недавности времени не могли сдѣлаться солеными, подобно озерамъ Кулундинской степи. Болотъ безчисленное множество. Къ этимъ общимъ чертамъ Барабы вообще должно прибавить еще и то, что Каинская Бараба рѣзко раздѣляется в. Каинскомъ на двѣ части—западную и восточную. Западная оживлена и житочна. Здѣсь и населеніе гуще, и земля благодатнѣе, есть и лѣсъ (хотя не вездѣ), и рѣчки. Здѣсь и народъ бойчѣе, нежели въ восточной части: торговныя сношенія развили его и придали ему смѣлливости. Хлѣбопашество даетъ значительные избытки: строевой и дровяной лѣсъ сжигается по рѣкамъ Таргасу и Оми въ Омскъ на продажу. Скотоводство хотя и неогромное, по довольно порядочное. Бараба не имѣетъ здѣсь своего мрачнаго характера; по этому западную часть Каинской Барабы многіе не считаютъ даже Барабою. Можетъ быть, она была ею когда нибудь давно, но теперь слѣды ея можно отыскать развѣ гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ большой дороги. Въ самомъ дѣлѣ, Фалькъ, говори вообще о Барабѣ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „все указываетъ, что Бараба была озерное русло,*”) и прежде имѣла болѣе озеръ и болотъ, нежели нынѣ; да и сами Барабинцы утверждаютъ, что озера, камышники, болота и луга примѣт-

* *) Бараба,—безспорно, малоизмѣнившееся дно морское. Посреди безчисленныхъ озеръ и займищъ, которыя покрываютъ почву и часто изобилуютъ разными, содержащимися въ морской водѣ, солями, то въ смѣшанномъ видѣ, то болѣе въ видѣ поваренной, или глауберовой, или горькой и т. п. соли, а мѣстами даже выдѣляя почти совершенно чисто одну только изъ этихъ составныхъ частей—посреди всего этого нельзя не придти къ тому заключенію, что видишь предъ собою остатки пучинъ прежняго дна морскаго, въ которыхъ при благоприятныхъ условіяхъ вода сгустилась подъ вліяніемъ лѣтней засухи.“ Миддендорфъ —Бараба, стр. 40.

нымъ образомъ уменьшаются и заростають. Другое должно сказать о восточной части Каинской Барабы. Здѣсь она имѣетъ видъ котловины, окраину которой составляютъ сплошныя гривы, и есть ни что иное, какъ низменность, состоящая изъ болотъ, поросшихъ камышемъ, тундръ, трясинъ, солонцевъ, озеръ и гривъ. Гривы имѣютъ въ окружности отъ 3 до 30 верстъ и на такое же протяженіе отстоятъ другъ отъ друга, составляя все лѣсное богатство жителей. Гривы заростають березникомъ и осиною и представляютъ единственную возможность къ устройству селеній. Здѣсь же пасется скотъ и вздирается земля плугомъ для посѣва хлѣба. Гривы отдѣляются другъ отъ друга солонцами и болотами. Солонцы—это иссохшія болота, имѣющія на своей поверхности тонкій пластъ солей хлористаго натрія, нашатыря и глауберовой соли. Они обростають красной травой изъ рода ползучихъ. Трясины, иначе называемыя „рломомъ“, суть болота, покрытыя мохомъ, съ одной стороны окруженныя мелкимъ соснякомъ, а съ другой примыкающія къ озеру. Короче сказать, восточная часть Каинской Барабы если и не та же пустыня, какаю была лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, то все таки пустыня. Жиденькое населеніе почти все столнилось на почтовомъ трактѣ. Этому двѣ причины: первая—выгоды вольнаго извоза, которымъ занимается почти каждый мужичекъ, у котораго есть тройка лошадей; другая, что въ сторонѣ и селиться—то не гдѣ—вездѣ болота, болота и болота; даже и большая дорога идетъ по болотамъ, отчего по ней, послѣ большихъ дождей, нѣтъ проѣзда.

Выше замѣчено, что озеро въ Каинской Барабѣ очень—много. Перечислимъ главнѣйшія изъ нихъ.

Чаны. Оно лежитъ на границѣ Каинскаго, Барнаульскаго и Омскаго округовъ и самое большее во всей Барабѣ. По измѣренію Швейцера, оно занимаетъ площадь въ 59, 4 кв. миль или 2876 кв. верстъ, изъ которыхъ на долю Каинскаго округа приходится 25, 5 кв. миль или 1235 кв. верстъ, т. е. до 42% всей площади. Часть этого озера, принадлежащая къ Каинскому округу, находится въ Казанской волости, въ 60 верст. отъ Каинска. Оно имѣетъ видъ неправильный: длина его по направленію отъ сѣверо—запада на юго—западъ 74 в., а ширина отъ юго—запада на сѣверо—востокъ отъ 44 до 58 верстъ; глубина отъ 7 до 10 аршинъ. Весьма отлогіе берега его поросли камышемъ. Во время весенняго возвышенія водъ, Чаны разливается и соединяется съ другими окрестными озерами; при сѣверо—восточныхъ вѣтрахъ оно дѣлается чрезвычайно

волнистымъ. По увѣренію г. Воронова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чанъ вода горько—соленая, которую жители въ лѣтнее время по необходимости пьютъ, за немѣнимъ проточной. На озерѣ находится до 100 низменныхъ острововъ, которые во время Фалька (1772 г.) были безлюдны, между тѣмъ, какъ теперь нѣкоторыя изъ заселены и хорошо обработаны. Палласъ, путешествуя по этой странѣ (1774 г.), замѣчаетъ, что Чаны зимою и лѣтомъ богато рыбою. Здѣсь—ловили неводами и удами, подолдомъ, щуку, окуней и другія мелкія породы; пойманную рыбу солили и сушили, а зимою морозили и возили во всѣ при Иртышѣ лежащія мѣста до Тобольска и даже на Ирбитскую ярмарку, а отсюда, что покажется едва вѣроятно, на возвращавшихся подводахъ до Соликамска, Екатеринбургa и до низовьевъ Камы. Легко понять, что этотъ далекій провозъ не представлялъ бы ни какой выгоды, если бы рыба на мѣстѣ ловли не была чрезвычайно дешева. Пудъ мерзлыхъ щукъ продавался въ Каивскѣ по 3 коп., а между ними находились щуки до 30 и болѣе фунтовъ вѣсомъ. Рыбнымъ промысломъ занимались, большею частію, бѣглецы крестьяне, жившіе въ рыбацкихъ хижинахъ около озера, а также жители Каивской волости. Къ родамъ рыбы, добываемой въ Чанахъ, кромѣ щукъ и окуней, должно причислить еще язей, линея и преимущественно карасей и чебаковъ. Окунь и караси вѣсятъ до 7 фунтовъ штука. Уловъ рыбы и теперь бываетъ здѣсь иногда такъ значителенъ, что, сверхъ количества, потребнаго на продовольствіе, прибрежные жители выручаютъ еще за нее значительныя суммы; рыба зимняго улова отвозится въ Тобольскъ и на ярмарку въ Екатеринбургъ. Русло Чанъ, по замѣчанію Фалька, самое низкое мѣсто на Барабѣ, а потому оно и принимаетъ въ себя протоки со всѣхъ сторонъ. Изъ впадающихъ въ него рѣчекъ болѣе другихъ замѣчательны Каргатъ и Чулымъ.

Убинское (у Фалька Убакуль или Курганское), второе по величинѣ, лежитъ въ Убинской волости, въ восточной части Каивскаго округа, по лѣвой сторонѣ Московскаго почтоваго тракта, въ 15 в. лѣвомъ отъ с. Убинскаго и въ 3 отъ с. Каргатскаго. Посредствомъ вытекающей изъ него рѣчки Убинки оно соединяется съ р. Омью. Площадь его занимаетъ до 578 к. в., имѣя наибольшее протяженіе въ длину отъ сѣверо—востока къ юго—западу до 43 в. (отъ устья рч. Углы или Яглы до устья рч. Убинки), а въ ширину до 20 в. Глубина отъ 5

до 10 арш. *) Два глинисто-песчано и иловато; берега низменны, болотисты и поросли камышемъ. Оно имѣеть заливы или рукава, по мѣстному названію *Отноги*, изъ которыхъ пѣкоте простираются вереть на 10. Во время Фалька, на озерѣ было три низменныхъ необитаемыхъ острова, по тень въ нихъ съ хорошими сѣнокосами. Въ него впадаетъ рч. Кольша и Угла (Ягла), а вытекаетъ рч. Убинка, спадающая съ лѣвой стороны въ р. Омь. Изъ топографическаго описанія, составленнаго этому озеру въ 1823 году, видно, что въ немъ преимущественно ловились тогда щуки вѣсомъ до 1 п. 25 ф.; за ними язи, караси и чебаки. Лучшій промыселъ былъ весной, въ большой разливъ воды по рѣчкамъ и отногамъ; менѣе изобилень осенью, а лѣтомъ и зимою весьма посредственъ. Ловъ рыбы производился зимою не на отногахъ, а на материкѣ. Больше изобильными рыбой считались рукава: Курдайка, Кызылская, Протока, Жаймацкая, Шатровка, Кульчинская, Черная рѣчка. Сверхъ того, хороши были промыслы на многочисленныхъ прорѣзахъ (кованкахъ), сдѣланныхъ въ камышахъ впадающихъ въ озеро рѣчекъ. Лучшихъ кованокъ было 17. Рыба ловилась весной сѣтими и ковцами, а въ прочее время года, во большей части, врычками на шуркахъ, съ паживкою ихъ чебаками; невода употреблялись весьма мало, подъ тонкимъ льдомъ. Промыслы въ Убинскомъ озерѣ производили главнѣйше окрестные татары и крестьяне деревень—Убинской, Каргатской, Каргатской Дубровы, села Иткульскаго, Сектинской, Крутыхъ Логовъ, Колмаковской, Бородиной, Гребенщиковой, Кузиной, Ушковой и заводскаго вѣдомства. Рыба, кромѣ мѣстнаго употребленія, сбита въ городъ и на продовольствіе проходившихъ съ обозами ямщиковъ, продавалась перекупщикамъ, прѣзжавшимъ изъ городовъ Ялуторовска, Ишима, Тюмени, Шадринска и изъ заводскаго вѣдомства. Осенью рыба продавалась свѣжая, а весной и лѣтомъ сушеная; зимній ловъ употреблялся почти исключительно на мѣстѣ. Щуки и язи продавались на вѣсъ, а лини счетомъ. Годовой уловъ простирался до 6-т. пудовъ, въ томъ числѣ сотъ до четырехъ икры щучьей, а въ продажу употре-

*) „Переѣхавъ черезъ него въ діагональномъ направленіи, я нашель, что въ глубокихъ мѣстахъ въ немъ было не болѣе $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ саж.; при томъ глубина его такъ равномерна, что нигдѣ не было ни малѣйшей ямки и длинныя нити воднаго растенія повсюду достигали поверхности воды.“ Миддендорфъ—Вараба, стр. 33.

блялось до 5-т. п. Рыба сухая и икра продавалась отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. нудъ на ассигнаціи; лини сотнями: свѣжая—отъ 1 р. до 2 р. 25 к. нудъ или сотнѣ. Мелкая рыба не продавалась.—Татары и крестьяне, присвоившіе себѣ участки Убинскаго озера, получали съ лицъ, призванныхъ за промысломъ рыбы, акцизъ, но весьма малый: онъ составлялъ всего около 200 рублей. При отдачѣ этого озера въ оброчное содержаніе, предполагалось отъ него казѣ доходу въ первый годъ до 1500 р., а въ послѣдствіи онъ могъ постепенно увеличиваться. Отдать его въ содержаніе признавалось выгоднѣе и полезнѣе цѣлой волости или селенію, а не лицу, потому что тогда можно было надежнѣе получать оброкъ, да и желающаго въ одномъ лицѣ на припятіе цѣлаго озера нельзя было ожидать—доказательство, какъ мало было тогда мѣстныхъ капиталовъ. Отдача озера, если не всего, то во крайней мѣрѣ части его, ни кому не принадлежащей, признавалась мѣрой необходимою для того, что бы положить преграду расширѣнью и несогласію промышленниковъ, ибо жившіе вблизи озера татары и крестьяне, допустя изъ околныхъ мѣстъ призванныхъ промышленлять рыбу, потомъ отнимали ее, водъ предлогомъ принадлежности имъ мѣстъ. Въ настоящее время Убинское озеро доставляетъ также разнаго рода рыбу, остатокъ которой отъ домашнихъ потребностей жители продаютъ и, за исключеніемъ издержекъ, получаютъ порядочныя суммы. Около Убинскаго озера въ 1588 году кочевалъ Кучумъ съ своимъ семействомъ и значными людьми; отсюда онъ перекочевалъ къ Оби, гдѣ въ Августѣ м., преслѣдуемый Тарскимъ всеводою Воейковымъ, былъ разбитъ и съ небольшимъ числомъ людей ускользнулъ за Обь. Фалькъ видѣлъ здѣсь много кургановъ.

Сартланъ. Находится въ Казанской волости, въ 10 верст. къ востоку отъ Чаны и въ 50 отъ Каииска, между деревнями Новосартланской, Новогребенщиковой и юртами Кармаклипскими, стоящими на берегу самаго озера, и деревнями Таскаевой въ 6, Сизовой въ 7, Старокаранузской 12 и юртами Маутскими въ 6 верстахъ. Форма его—круглая; пространство—288 в.; длина 24 в., ширина 9—14 в.; глубина до 16 ар. Берега его съ восточной стороны низменны, покрыты камышемъ и березовымъ лѣсомъ, съ прочихъ же сторонъ возвышенны. Около береговъ на пемъ находится нѣсколько небольшихъ острововъ безъ названій. Изъ описанія этого озера 1823 г. видно, что зимой и осенью въ пемъ ловились тогда чебаки и щуки неводами, а окуни крюками; весной только одни караси концами, а лѣтомъ

сѣтями; неводовъ было 5 и каждый принадлежать особой артели. Ловлею занимались жители деревень и юртъ, лежащихъ вблизи озера, а также крестьяне заводскаго вѣдомства, деревень Верхнекаинской и Нижнекаинской, а равно жители Каинска. Рыба шла въ тѣ же мѣста, какъ и съ Убинскаго озера, и даже въ Екатеринбургъ. Въ Сартланѣ ловилось отъ 300 до 600 п. на каждую артель, имѣвшую неводъ; количества рыбы, получавшейся другими способами, опредѣлено не было. Мерзлая рыба не бывала дороже 60 к. пудъ, сухая—до 1 руб.; но лѣтъ за пять до 1823 г. цѣна на нее была отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. за пудъ. Посторонніе пріѣзжали ловить рыбу безъ всякаго акциза и въ самый лучшей ловъ сѣзжалось промышленниковъ не болѣе 200 человекъ. Отъ отдачи Сартлана въ оброкъ ожидалось дохода до 500 р. ас. Изъ озера вытекаетъ рч. Сарайка, впадающая въ Чаны, а впадаетъ Кугурла, Черная, Карапузь и Карапузепокъ.

Тандово. Лежитъ въ 5 верстахъ на сѣверъ отъ Чанъ и занимаетъ до 123 кв. верстъ. Длина его съ сѣвера на югъ 15, а ширина отъ 8 до 10 в; средняя глубина 10 арш. Дно его глинистое и иловатое, берега плоскіе, песчано—черноземнаго грунта, поросли хорошимъ березовымъ лѣсомъ и кое—гдѣ обработаны жителями для засѣва хлѣба. Посредствомъ небольшого протока, извѣстнаго подъ названіемъ Тандовскаго, это озеро соединяется на югѣ съ озеромъ Чаны. На сѣверѣ въ него впадаетъ рѣчка Тандовка, вытекающая изъ озера Долгаго.

Шучье. Лежитъ въ югозападной части Каинскаго округа, близъ о. Чаны, и имѣетъ въ длину 24 в., въ ширину до 14 в. и глубину до 3½ ар. При низменныхъ берегахъ, оно въ весеннее таяніе снѣговъ сильно наводняетъ и потопляетъ всѣ окрестныя мѣста. Въ немъ водятся щуки, окуни, караси и чебаки.

Акуль—длиною 20, шириною 14 верстъ.

Ипусеть и *Зенково*—глубиною до 3½ ар. Грунтъ этихъ озеръ иловатъ и болотистъ; водится мелкая рыба.

Кариатъ—длиною 10 в., шириною 4 в., глубиною 5 арш. Грунтъ иловатый, болотистый; берега низкіе, поросшіе камышомъ; рыба мелкая.

Кинкуль большое и малое—длиною 7—9 верстъ, шириною 2—4 в., глубиною до 3 арш. Рыба мелкая.

Иткуль—тѣхъ же размѣровъ. Рыба мелкая. Нынѣ это озеро совершенно замкнуто; но еще въ началѣ прошлаго вѣка, по свидѣтельству Гмелина (1733—1743 г.), соединялось съ р. Чулымомъ посредствомъ протока.

Секты большое и малое. Во всѣхъ отношеніяхъ подобно двумъ предыдущимъ.

Чернокольское.

Абаколь.

Долое.

Таликольское.

Шанчикъ.

Каждое изъ этихъ озеръ длиною до $7\frac{1}{2}$ в., шириною до 2 в., глубиною до 7 арш. Грунтъ ихъ и берега иловаты. Водятся одни караси.

Устьянцово. Оно находится въ 25 вер. отъ Каинска, при селѣ Устьянцовомъ, Нижне—Каинской волости, имѣеть фигуру вытянутаго круга, длина котораго простирается до 300 с. Оно расположено на довольно сухой, возвышенной мѣстности. По берегамъ самаго озера лѣсу хотя и нѣтъ, по вблизи его находятся березовыя рощи, достаточныя для очищенія воздуха. Берега озера песчаные, отлогіе, такъ что на разстояніи 20 с. отъ сѣвернаго берега глубина постоянно доходитъ до $2\frac{1}{2}$ арш., на срединѣ до 4 саж. Дно озера твердое, гладкое у береговъ, а на срединѣ илистое. Вода молочнаго цвѣта, весьма мылистая, на вкусъ солоновато—щелочная, не противная. Лѣтняя температура отъ 10 до 18° Р. Полтора фунта воды, взятой для изслѣдованія изъ льда, или 8,640 частей воды, дали, по выпареніи, осадокъ $1\frac{1}{2}$ драхмы или 90 частей твердаго бѣложелтоватаго вещества. По изслѣдованіи осадка, оказалось, что въ немъ содержатся соли въ слѣдующей приблизительно вѣрной пропорціи:

Углекислаго натра	-	Na O.CO— $\frac{1}{2}$ —45 частей	} 90 частей
Сѣрнокислаго	-	Na O.SO ² — $\frac{1}{4}$ —22 $\frac{1}{8}$	
Хлористаго натрія	-	Na O.Chl ³ — $\frac{1}{8}$ —11 $\frac{2}{8}$	
Фосфорно-кислаго натра	-	Na O.Ph — $\frac{1}{16}$ —5 $\frac{5}{8}$	

Остальная же $\frac{1}{16}$ или $5\frac{5}{8}$ частей состояла изъ углекислаго кали и органическихъ частицъ.

Лакмусовыя бумажки реагировали сильно—щелочно. Исслѣдованіе производилось зимою, потому что лѣтомъ не возможно довести свѣжей воды до Томска. Лѣтняя же вода отъ испаренія находится въ болѣе концентрированномъ состояніи и, согрѣваясь, отдѣляетъ обильное количество углекислоты. Почва, составляющая дно озера, въ сыромъ видѣ—темно—голубаго цвѣта, въ высушенномъ—пепельнаго, слабо отзываетъ сѣрнистымъ водородомъ, состоитъ изъ песку, глины, илу и осадковъ солей. Почва весьма липкая, мягкая, не легко смывается. Озеро ни сколько не засорено. Жители г. Каинска, по приглашенію врача Воронова, выѣзжали два лѣта на озеро для купанья, хотя и не съ прямою цѣлью пользованія водою,—однако же дама, имѣвшая хроническій грудной катарръ, при разстройствѣ пищеваренія, другая, страдавшая разстройствомъ регулъ, и два члена одного золотушнаго семейства съ золотушною сыпью, возвратились совершенно здоровыми. Окрестные крестьяне до того увѣрены въ благодѣтельной силѣ озера, что во всѣхъ болѣзняхъ, особенно сыпныхъ, съ полною довѣренностью пользуются водами. Судя по составнымъ частямъ, Вороновъ полагаетъ, что означенная вода должна быть цѣлительна при страданіи пищеварительныхъ органовъ, при хроническомъ катаррѣ желудка и кишекъ, диспенси, изжогѣ, зависящей отъ ненормальнаго количества кислотъ, при запорахъ, брюшномъ полнокровіи, при гепереміи и увеличеніи печени и селезенки, при неправильномъ отдѣленіи желчи, закрытомъ геморроѣ и его послѣдствіяхъ, при неправильномъ мѣсячномъ очищеніи, въ особенности при задержаніи регулъ и зависящей отъ того истерикѣ, при чрезмѣрной тучности, при хроническихъ катаррахъ грудныхъ органовъ, при сыняхъ золотушнаго свойства, равно и сифилитическихъ, послѣ употребленія меркуріальныхъ средствъ, при ревматизмѣ, подагрѣ и др. При отсутствіи другихъ минеральныхъ водъ въ Каинскомъ округѣ, устройство лечебницы при Устьянцовскомъ озерѣ было бы благодѣяніемъ для края, тѣмъ болѣе, что къ тому представляются всѣ удобства. Озеро отстоитъ отъ селенія саженъ на 50. Селеніе довольно большое, расположенное очень красиво вокругъ другаго озера съ прѣсною водою. По сторонамъ березовый лѣсъ; воздухъ чистый, здоровый; мѣстность сухая, возвышенная, довольно живописная. Безъ устройства лечебницы, Устьянцово озеро, по невѣжеству и обычаю крестьянъ, вѣроятно, будетъ, какъ и другія, заваливаться навозомъ и всякою дрянью, и это дорогое озеро, могущее принести пользу не одной тысячѣ народа, можетъ быть, со временемъ превратится въ навозную кучу.

Богица. при селеніи того же имени, въ Верхне—Каинской волости, въ сторонѣ отъ большой дороги, имѣеть сажень 200 въ окружности; оно замѣчательно содержаніемъ глауберовою соли. Въ лѣтнее время дѣлается весьма значительный осадокъ ея, вслѣдствіе испаряющейся воды. Послѣ же обильныхъ дождей и весною, осадокъ снова растворяется, и фуптъ такой воды при выпариваніи даетъ чистой соли болѣе унца.

Другихъ, менѣе замѣчательныхъ, озеръ какъ прѣсныхъ, такъ и горько-соленыхъ, по Барабѣ очень много.

„Ради сосѣдства и множества толь великихъ озеръ, замѣчаетъ Палласъ, нѣтъ ни единой полосы въ Сибири, которая бы, въ лѣтнее время всякою водяною дикою птицею не изобиловала. Барабинскіе разсѣянные около сихъ мѣстъ живущіе Татары, кои изъ язычниковъ всѣ въ магометанскую вѣру обращены, имѣють отъ оной наибольшее свое пропитаніе. Сіи суть тѣ, кои съ обыкновенныхъ и большихъ гагаръ блестящія на подобіе серебра брюшки снимають и продають по 3 и по 5 коп., то по одиночкѣ особливо, то сошитыя въ мѣхъ, профъзжающимъ. Иные собирають прекрасныя изъ черна-фіолетовыя шейки морскихъ гагаръ, кои, сшитыя вмѣстѣ, красивы кажутся и по крайней мѣрѣ на женскія муфты пригодны.“

Выше замѣчено, что рѣки Барабы, при ничтожномъ паденіи, имѣють весьма медленное теченіе; медленность эта такова, что онѣ останавливаются въ озерныхъ бассейнахъ. Перечислимъ главнѣйшія изъ рѣкъ:

Омь (по татарски Омъ—Елга). Вытекаетъ изъ Васъ—юганскихъ болотъ въ сѣверо—восточной части Каинскаго округа; до с. Ушкова течетъ къ западу, далѣе поварачиваетъ къ юго—западу, отъ Каинска опять направляется къ западу и въ этомъ направленіи уходитъ въ Омскій округъ Акмолинской области. Въ предѣлахъ Барабы длина ея до 415 в., наибольшая ширина до 20 с. и глубина отъ 1 до 6 арш. Дно песчано—глинистое и иловатое, имѣеть во многихъ мѣстахъ ямы, а въ другихъ возвышенно и представляетъ броды; берега низкіе, изобилуютъ сѣнокосами. Во время весенняго разлива Омь дѣлается отъ Каинска способною для плаванія барокъ съ хлѣбомъ, идущимъ въ Омскъ. При г. Каинскѣ Омь пересѣкается Московскимъ почтовымъ трактомъ. Въ Оми водятся щуки, ерши, окуни, язи, налимы, чебаки; нельма и стерлядь заходятъ изъ

Иртыша. Изъ притоковъ ея болѣе другихъ замѣчательна р. *Тартасъ*, имѣющая до 300 в. длины и до 35 с. ширины и судоходная въ весенній разливъ отъ д. Сибирцевой; ее также пересѣкаетъ московскій почтовый трактъ у села Турумовскаго. За Тартасомъ слѣдуютъ *Ича* съ *Камою* и *Узаклы*, вытекающія изъ зыбуновъ о. Васъ—югана. Менѣе важны рѣчки *Устарка*, *Крутиха*, *Тинтуринка* и *Омновка*. У всѣхъ у нихъ грунтъ глинистый и иловатый, берега низки, отлоги, поросли камышемъ и березникомъ; рыба заходитъ изъ Оми. (*)

Тара (Та—Елга) образуется отъ слиянiя двухъ вѣтвей, берущихъ начало въ Васъ—юганскомъ болотѣ смежно съ Тартасомъ; до устья рч. Веселой течетъ къ западу, далѣе до д. Ургульской направляется къ сѣверо—западу, а далѣе принимаетъ первоначальное свое направление, которое сохраняетъ до выхода въ Тарскiй округъ Тобольской губернiи; длина ея въ предѣлахъ Барабы до 235 в., ширина до 35 с., глубина до 8 арш.; по обоеимъ берегамъ ея лежатъ обширныя луга. При с. Кыштовскомъ строятся барки для сплава хлѣба въ Тару. Изъ притоковъ Тары болѣе другихъ замѣчательны *Мейзасъ* и *Чекъ*.

Каратъ беретъ начало изъ Васъ—юганскихъ болотъ. Пройдя 250 верстъ, впадаетъ въ озеро Чаны. Ширина ея отъ 3 до 10 сажень, глубина до 12 арш. Во многихъ мѣстахъ по теченiю рѣки находятся отмели. Рыба мелкая.

Чулымъ вытекаетъ оттуда же и впадаетъ въ Чаны; длина 170 в., при глубинѣ отъ 2 до 10 арш.; берега низки, покрыты тальникомъ и камышемъ. Самые значительныя притоки Чулыма суть Большая и Малая Сума, вытекающая изъ болота Сектiйскаго. Рыба мелкая.

Чаусъ. Вытекаетъ изъ Обской возвышенности и принимаетъ въ себя рч. Омъ. При ней находилъ прежде Чаусскiй острогъ.

(*) О верховьяхъ р. Оми интересныя подробности сообщены А. Э. Миддендорфомъ. Онъ чрезвычайно хвалитъ плодородiе степи, лежащей въ верхнемъ теченiи этой рѣки. Бараба, стр. 4 и слѣду.

Въ ближайшей связи съ озерами, рѣками и рѣчками Барабы находятся лежащія по ней во множествѣ болота. Тѣ изъ нихъ, которыя разстилаются по правую сторону Оми, соединяясь между собою то рѣчками, то озерами и займищами, связываютъ Омь съ Тартасомъ. Годъ отъ году онѣ зарастаютъ мелкимъ кустарникомъ и соснякомъ и такимъ образомъ становятся мало по малу проходимы; тѣ же, которыя находятся по лѣвую сторону Оми, соединяясь между собою разнообразно, проходятъ съ одной стороны до озера Чаны, а съ другой до Васъ—юганскаго болота и до границы Tobольской губерніи, среди рѣчекъ Каргата и Чулыма: онѣ менѣе доступны. Вообще, замѣчательнѣйшія изъ болотъ суть слѣдующія: *Чубуранинъ, Арбуканское, Айскулла, Бишъ—дуя, Талакульское, Беркульское, Аллатъ, Янботъ*—всѣ отъ 8 до 35 в. длины и ширины; направляются съ запада на востокъ, стекаютъ въ Омь и, состоя изъ зыбуновъ или кочекъ, покрытыхъ камышами, проходимы въ рѣдкихъ мѣстахъ; *Голое, Моховое, Кочковатое, Кызырлы, Алланъ, Яркольское, Отнога, Чулымское, Бачное, Барьково, Государево, Грязное, Дубнинское, Сектинское, Выморки и Рябово*—всѣ отъ 1 до 4 и 7 в. пространства; первыя шесть кочковаты и покрыты кустарниками, а прочія состоятъ изъ зыбуновъ, заросшихъ камышами; наконецъ, *Кайлинское, Бануйское, Рямово, Маминное и Подгорное*—всѣ отъ 4 до 25 в. пространства; соединяясь между собою, одни изъ нихъ состоятъ изъ зыбуновъ, другія изъ кочекъ.

Чтобы познакомиться сколько-нибудь съ климатомъ Барабы, приведемъ выводы изъ четырехлѣтнихъ метеорологическихъ наблюдений по г. Каинску (1837, 1839, 1846 и 1847 г.):

Январь	-	-	-	-	-	15,99
Февраль	-	-	-	-	-	10,43
Мартъ	-	-	-	-	-	8,78
Апрѣль	-	-	-	-	-	1,79
Май	-	-	-	-	-	—7,91
Іюнь	-	-	-	-	-	+14,66
Іюль	-	-	-	-	-	+16,34
Августъ	-	-	-	-	-	+12,92
Сентябрь	-	-	-	-	-	+9,24
Октябрь	-	-	-	-	-	—0,57
Ноябрь	-	-	-	-	-	—9,99
Декабрь	-	-	-	-	-	—17,00
Цѣлаго года	-	-	-	-	-	—0,54

По временамъ года температура Каинска слѣдующая:

Зимы	-	-	-	-	—14,47
Весны	-	-	-	-	— 0,89
Лѣта	-	-	-	-	+14,64
Осени	-	-	-	-	— 0,44

Вообще климатъ Барабы довольно суровъ. Зимніе морозы доходятъ иногда до 37°, лѣтнія жары до 25° R., при чемъ жаркіе дни смѣняются сырими и холодными ночами. Инеи падаютъ часто преждевременно и портятъ хлѣбъ еще на корнѣ. Зимой бураны—весьма часты.

Присутствіе огромнаго числа болотъ и озеръ въ соединеніи съ суровостью климата дѣлаютъ то, что мѣстность, занимаемая Барабою, считается одною изъ самыхъ нездоровыхъ въ Томской губерніи. Сибирская язва, лихорадки, водянка и поносы—почти постоянные здѣсь гости.

Посѣщеніе Барабы *Сибирскою язвою* (*pustula maligna*, по татарски нагуптау) замѣчено уже давно: это доказывается упоминаніями о ней нашихъ старыхъ путешественниковъ по Сибири, а равно тѣми распоряженіями, которыя мѣстное начальство считало необходимымъ дѣлать отъ времени до времени для возможнаго отвращенія этого бича степнаго населенія. Между тѣмъ, старожилы увѣряютъ, что до 1822 года они не знали этой болѣзни и имѣли огромнѣйшіе табуны скота всякаго рода здороваго и крѣпкаго; въ особенности славились своею крѣпостію и фигурой Барабинскія лошади. Въ 1822 году завезена была, по ихъ рассказамъ, переселенцами заразительная болѣзнь, названная ими тогда *опасною*—названіе, сохранившееся до настоящаго времени. Въ первые два года Сибирская язва выбила скотъ на Барабинской степи до послѣдняго копыта и кромѣ того унесла много народа. Съ 1848 г. болѣзнь эта является ежегодно на лошадяхъ, а съ 1858 г. ежегодно стала являться и на людяхъ. При томъ, прежде являлась она только въ двухъ формахъ: въ видѣ гангренознаго влажнаго прыща, окруженнаго вѣнчикомъ изъ пузырьковъ, лопающихся и превращающихся также въ гангрену, и въ видѣ оухоли твердой какъ камень, съ сухой гангреной въ центрѣ. Съ 1858 г. явилась третья форма, называемая крестьянами *опасной нутряной*, которой они больше боятся и которая начинается общими тифозными припадками, весьма мучительными, и иногда по-

казывается черная гангреневая опухоль, окруженная не пузырями, а красной каймой. Врачъ Вороновъ полагаетъ, что Сибирская язва появилась на Барабинской степи позднѣе, нежели въ Европѣ, ибо въ Европѣ она извѣстна была еще Цельсу, Гюй де Шолиаку, а въ концѣ прошлаго вѣка была подробно уже описана французскими врачами. Сибирская язва появляется прежде всегда на домашнихъ животныхъ, и именно, на лошадахъ, потомъ на рогатомъ скотѣ, даже на свиньяхъ, и на конецъ на человѣкѣ. У животныхъ она бываетъ въ 3-хъ видахъ: или въ началѣ является мѣстная гангрена, вызывающая потомъ большую опухоль въ окружности, или общіе припадки предшествуютъ мѣстнымъ—животное не ѣстъ, теряетъ жвачку, сонливо, изорта гнется слизь, ноги трясутся, послѣ чего является опухоль и животное погибаетъ,—или же совершенно здоровое животное падаетъ со всѣхъ ногъ, животъ разносится и оно умираетъ,—послѣ же, впрочемъ не всегда, является на вымени, мошонкѣ или груди гангреневая опухоль. На людяхъ она является также въ трехъ формахъ. Проявленіе первой: дѣлается маленькое коническое возвышеніе багроваго цвѣта, въ родѣ за кожного угря, окруженнаго красной каймою, кожа на немъ постепенно поднимается, вслѣдствіе отдѣленія сукровицы, отчего образуется синебагровый прыщъ. Образовавшійся прыщъ зудитъ и расчесывается, или лопаются самъ собою и изъ него вытекаетъ клейкая жидкость. Прыщъ, сдѣлавшись открытымъ, не чувствителенъ при соразмѣрномъ уколѣ, увеличивается въ ширину и глубину, отодвигая собою крайму. По этой каймѣ являются, впоследствии, пузырьки, наполненные сукровицей и тоже зудящіеся; они, въ свою очередь, лопаются, превращаются въ язвинки, уступаютъ мѣсто влажной гангренѣ пепельнаго цвѣта и замѣняются новыми. Съ появленіемъ пузырьковъ, является въ окружности язвы опухоль, самая же язва не поднимается. До появленія опухоли, больные жалуются только на стѣсненіе сердца и находятся въ спокойномъ состояніи; при увеличеніи же опухоли, въ особенности если она заноситъ все лицо, впадаютъ въ отчаяніе, чувствуютъ боль на мѣстѣ язвы и невыносимую тоску; ознобъ часто смѣняется жаромъ, пульсъ неправильный, кожа горяча и суха. При распространеніи язвы, когда она не уступаетъ мѣстнымъ средствамъ, больные, въ припадкахъ глубокаго тифа, день на 6-й или 7-й отъ начала болѣзни, умираютъ, вслѣдствіе общаго зараженія. Другая форма Сибирской язвы является въ видѣ сплошной, весьма твердой опухоли, въ началѣ величиною съ гривну, постепенно сливающейся съ здоровыми частями и увеличивающейся. Цвѣтъ ея темнобагровый, лоснящійся. Если она является на задней и бо-

ковыхъ частяхъ шеи, то голова приклоняется или къ груди, или склоняется на бокъ. Центральная часть темнаго цвѣта, при уколѣ не чувствительна. При первомъ появленіи ея, больные чувствуютъ нестерпимыя, раздрающія боли, сжиманіе сердца и горячечное состояніе. Наконецъ, третью форму болѣзни, судя по припадкамъ, должно назвать не Сибирской язвой, а карбункуломъ (*carbunculus*). Болѣзнь начинается общими припадками: сначала является отсутствіе аппетита, сильнѣйшее давленіе подъ ложечкой, отъ котораго больные, прижавъ колѣна къ животу, крутятся по полу, тошнота, головная боль, глаза тусклы, зрѣніе слабо, конечности дрожатъ, языкъ обложенъ, десны покрыты саже-образнымъ налетомъ, мочи отдѣляется мало, сильный жаръ, жажда, одышка; часовъ черезъ 12 отъ начала болѣзни, больные, ослабленные, лежатъ въ бреду. На второй день, при вышеописанныхъ припадкахъ, являются прыщи и тогда какъ будто всѣ припадки стихаютъ. Прыщи сначала наполняются сукровицей, потомъ сукровица вытекаетъ и остается черная гангреневая опухоль, окруженная розовой каймой, лицо и руки сильно опухаютъ. Гангрена увеличивается и, вскорѣ послѣ погленія гангрены, человѣкъ умираетъ въ бреду. Но случается, что больные, у которыхъ всѣ эти припадки легче и мѣстная гангреневая опухоль не показывается, выздоравливаютъ.

Фалькъ пишетъ, что въ его время врачи, большею частію казаки, пользовали Сибирскую язву на скотѣ слѣдующимъ образомъ: нѣкоторые разрѣзывали желваки до крови и, помазавъ ихъ мазью изъ нашатыря и табаку, смоченныхъ слюною или водою, завязывали тряпичею; другіе надрѣзывали желваки, натирали ихъ нашатыремъ и перевязывали съ листовымъ табакомъ; третьи въ разрѣзанное мѣсто клали сулему и завязывали, но если разрѣзъ сдѣланъ былъ глубоко, то животныя околѣвали; наконецъ, четвертые прижигали больное мѣсто каленымъ желѣзомъ и, присыпавъ его нашатыремъ, завязывали тряпичею. Кромѣ того, при появленіи Сибирской язвы на рогатомъ скотѣ, большая часть крестьянъ прибѣгала къ живому огню, получаемому посредствомъ тренія двухъ деревянныхъ осколковъ и сохраняемому сырмъ деревомъ. Въ это курево, при всякой заразѣ, гоняли скотину два раза въ день. „Мнѣ кажется, прибавляетъ Фалькъ, что сіе средство можетъ только разогнать насѣкомыхъ, но если зараза происходитъ не отъ нихъ, то очень можетъ сдѣлать воздухъ болѣе зловоннымъ.“ Вороновъ убѣдился на практикѣ, что при появленіи первыхъ признаковъ болѣзни, животное необходимо тотчасъ же вывести вонъ изъ селенія не

менше, какъ за двѣ версты, привязать и окуривать. Если покажется у ней опухоль, то, тотчасъ же оградивъ ее глубокими уколами шиломъ, разрѣзать крестообразно пораженное мѣсто и вырѣзать или выжечь раскаленнымъ пожемъ, послѣ чего рану прижечь царской водкой или купоросной кислотой и потомъ, сдѣлавъ составъ изъ нашатыря и тертой рѣдьки, все это намазать на нѣсколько листовъ сложенныхъ вмѣстѣ черкаскаго табаку и перевязать рану, или же, послѣ разрѣза опухоли, язву пересыпать сулемой. Если опухоль пропадаетъ и покажется желтый гной, то язву перекладывать саломъ. Внутрь давать селитру съ самаго начала послѣ появленія опухоли. Нѣсколько дней отъ начала болѣзни вовсе не давать корма и питья, а потомъ давать сушеную крапиву или сѣно, смоченное квасомъ, и давать пить нѣсколько ковшей теплаго квасу; если съ заболѣвшимъ животнымъ будетъ запоръ, то полбутылки масла и бутылку жидкой болтушки изъ муки съ солью влить ему въ горло; если же поносъ, то поить его овсяною болтушкой съ квасцами; если же, наконецъ, оно видимо будетъ поправляться, то пускать его въ стадо, но не иначе, какъ чрезъ двѣ недѣли.

О лѣченіи Сибирской язвы на людяхъ Фалькъ говоритъ слѣдующее: „Если болѣзнь примѣчена будетъ рано, то, при употребленіи нѣкѣхъ извѣстныхъ средствъ, скоро отъ нея исцѣляются. Я звалъ одного казака, который изъ 18 больныхъ, вѣрившихъ себя его лѣченію, не потерялъ ни одного. Вотъ способъ его лѣченія. Лѣтомъ искалъ сей казакъ на лугахъ такія мѣста, на которыхъ много растетъ серпухи; потомъ, трижды тихо проговоривъ молитву, срывалъ онъ серпуху со стеблемъ, листьями и цвѣточными головками; послѣ сего, высушивъ, истиралъ ее въ порошокъ. Такимъ образомъ получалъ онъ достаточный запасъ. Когда больные къ нему являлись, тогда первое его дѣло было осмотрѣть въ черномъ желвакѣ точку, дѣйствительно ли то язва, и коль скоро примѣчалъ ее, то немедленно клалъ въ стаканъ ложку мелко истертой серпухи и не много нашатыря; потомъ, смотря по лѣтамъ больного, наливалъ на нихъ стаканъ вина болѣе или менше и въ теплой печи дѣлалъ настой. Черезъ нѣсколько часовъ выливалъ онъ его въ стаканъ, прочитывалъ надъ нимъ три раза молитву и давалъ пить больному во имя Святыи Троицы. Въ густой и влажный остатокъ опускалъ онъ кусочекъ мыла, читалъ опять молитву, намазывалъ составъ на тряпку, теръ оною больное мѣсто и наконецъ прикладывалъ къ нему сію тряпку. Все это повторялъ онъ въ

слѣдующій день и большые по большой части послѣ сего исцѣлялись. Если же не было ни какого дѣйствія, то повторялъ онъ сіе дѣйствіе отъ 3 до 7 дней, и спитую триницу съ остаткомъ мыльной тинктуры, по прочтеніи молитвы, зарывалъ въ землю. Всѣ его больные, какъ выше сказано, исцѣлялись. Молитвы его я не затвердилъ, но только могу сказать объ ней, что она была кратка и благоговѣйна къ Богу.—Сверга прорѣзывали черные желваки и спали въ нихъ сулему, но многіе отъ это о умирали. Нынѣ у казаковъ обыкновеннѣйшій способъ лѣченія есть слѣдующій. Истираютъ въ порошокъ пашатырь, разжевываютъ курительный табакъ и составляютъ отъ влажнаго отъ слюны табаку и пашатыря мазь. Если больное черное мѣсто разрѣзано будетъ такъ, что больному будетъ чувствительно и если появится кровь, то мажутъ оное мѣсто мазью и завязываютъ тряпичею. Сіе повторяютъ черезъ 8 или 10 часовъ и, послѣ употребленія сего 3, 5 и болѣе разъ, больные выздоравливаютъ, если только оное средство употреблено заблаговременно.—Старый капониръ нашелъ слѣдующее средство, которое во многихъ случаяхъ бываетъ спасительно. Онъ давалъ больнымъ въ ротъ соль изъ высушенныхъ лужъ соляныхъ степей (алкалическая поваренная и горькая соль), которую называлъ онъ *черенковою солью*, и если они не чувствовали вкуса ея, то почиталъ онъ ихъ, по причинѣ запущенной болѣзни, погибшими; если же они чувствовали отъ соли худой вкусъ, то приказывалъ онъ имъ распущенную въ ихъ слюну соль выплюнуть на мыло, на которомъ съ молитвою дѣлалъ онъ крестъ, теръ имъ и потомъ завязывалъ разрѣзанный до крови желвакъ, который отпадалъ и больвой выздоравливалъ. Нѣкоторые лекаря надрѣзываютъ больное мѣсто и дѣлаютъ примочку съ человѣческою мочою и полынною золою, чѣмъ многіе больные исцѣляются. Интересны замѣчанія г. Воронова о лѣченіи имъ Сибирской язвы при посредствѣ пародныхъ знахарей. „Что касается до лѣченія собственно Сибирской язвы, говоритъ онъ, то я не измѣнялъ метода лѣченія, употребляемаго знахарями и заслужившаго полного довѣрія народа тѣмъ, что въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ доставлялъ онъ прекрасные результаты. Самый процессъ лѣченія совершался руками знахаря,—ибо, удаливши посредничество знахаря, можно сказать на вѣрное, что я не имѣлъ бы ни какого вліянія ни на больныхъ, ни на болѣзнь, такъ какъ крестьяне, болшею частію, недоувѣрчивы къ врачамъ, а это повело бы къ тому, что знахарь, принимая всякую болѣзнь за Сибирскую язву, лѣчилъ бы однимъ извѣстнымъ ему способомъ. При посредствѣ же знахаря, всѣ заболѣвавшіе шли съ начала

къ нему, а потомъ приводимы были ко мнѣ. При Сибирской язвѣ съ пузырьчатымъ вѣнчикомъ въ окружности, влажной и поверхностной гангреной, вся язва покрывалась слоемъ нашатыря, тертой рѣдкки и нѣсколькихъ листовъ черкаскаго зеленого табаку, смоченнаго въ водкѣ или спиртѣ, и такъ какъ, вслѣдствіе сильнаго жара въ пораженной части, этотъ составъ скоро сохъ, то нѣсколько разъ онъ смачивался водкой или спиртомъ, повязка смѣнялась разъ въ сутки. Уменьшеніе окружающей опухоли служило благоприятнымъ знакомъ. День на третій или на четвертый не оставалось ни какого знака существовавшей болѣзни, кромѣ сильной слабости, остававшейся недѣли на три.— При болѣе глубокомъ пораженіи частей и при твердой опухоли, или же когда вышеупомянутый составъ не помогаль, употреблялся сильный растворъ въ спиртѣ сулемы.— Количество сулемы опредѣлялось электрически потускнѣніемъ ножа, опущеннаго въ растворъ. Этимъ растворомъ смачивалась язва и сверху покрывалась компрессомъ, намазаннымъ простымъ мыломъ. Если гангрена была велика или опухоль слишкомъ тверда, то предварительно крестообразно разрѣзывалась и послѣ употреблялся сказанный составъ. Два раза мнѣ привелось прибѣгать къ выжиганію гангрены *calicaustico*, послѣ чего употребленъ былъ составъ изъ нашатыря, рѣдкки и табаку. При такомъ способѣ лѣченія, одинъ случай кончился выздоровленіемъ. Струпу, если гангрена была глубока, отпадалъ на третій день. По отпаденіи струпа, язва представлялась пористой—на подобіе мелкой морской губки. Заживленіе язвы послѣ этого совершалось быстро при употребленіи простаго спуска. Внутрь, въ самомъ началѣ, по наложеніи наружной повязки, назначался составъ изъ нашатыря, равныхъ частей рѣдечнаго соку и водки; всего полстакана выпивалось заразъ. Смотря по упадку силъ, сложенію, повторялся приемъ. Діета назначалась слабая. Съ улучшеніемъ мѣстныхъ припадковъ, являлся обильный потъ и больные, весьма похудѣвшіе и ослабѣвшіе, поправлялись не ранѣе трехъ недѣль.—Большимъ съ тифознымъ состояніемъ въ началѣ и давалъ 5 гранъ за приемъ каломеля; если послѣ того черезъ два часа не показывалось испраженій, приемъ повторялся. Послѣ чего на второй день назначалъ *acidum muriaticum*, къ головѣ холодныя примочки съ уксусомъ; тѣмъ же обтиралось все тѣло. При уменьшеніи припадковъ, при появленіи пота, назначалъ хину, питательную діету, вино въ маломъ количествѣ. При томъ же самомъ лѣченіи, при появленіи карбункуловъ, я ни къ ножу, ни къ *kali causticum* прибѣгнуть не рѣшался, чтобы не произвестъ эффек-

та, который бы подорвалъ довѣріе народа.—Лѣченіе Сибирской язвы способомъ чисто эмпирическимъ, безболѣзненнымъ, а главное не страшнымъ для народа, доставившимъ мнѣ въ теченіи двухъ лѣтъ прекрасные результаты, поселяетъ во мнѣ надежду на вѣрованіе въ его дѣйствительность. Правда, что онъ приложимъ съ успѣхомъ только въ началѣ; но прерветъ ли болѣзнь и хирургическій методъ, на примѣръ выжиганіе гангрены самими ѣдкими веществами и кадеямъ желѣзомъ, если губительный ядъ чрезъ лимфатическіе сосуды вступилъ уже въ истокъ кі овообращенія?“

Выше замѣчено, что Сибирская язва на животныхъ всегда предшествуетъ болѣзни на людяхъ. „Но какимъ образомъ она переходитъ съ животныхъ на человѣка, говоритъ г. Вороновъ, чрезъ посредство привитія, т. е. перенесенія заразительной матеріи паутомъ, или отъ прикосновенія къ больнымъ животнымъ, или чрезъ легкія отъ вдыханія зараженнаго воздуха,—рѣшить не могу, но только ни одинъ больной не могъ меня завѣрить положительно въ томъ, что получилъ язву или отъ укушенія паута, или отъ прикосновенія къ зараженному животному. Кроме того, она является на мѣстахъ, защищенныхъ платьемъ, гдѣ прямого прикосновенія съ заразительной матеріей предполагать нельзя; также лица, ходившія за больнымъ скотомъ—звяхари и я—отъ прикосновенія съ ранами рукой, не смазанной масломъ, не заражались. Значитъ, нужно для зараженія индивидуальное предрасположеніе. А быть можетъ и то, что *pustula maligna* является иногда также самостоятельно, какъ и *огневикъ carbunculus*. Собственно, если взять во вниманіе образъ жизни крестьянъ, при тѣхъ мѣстныхъ условіяхъ, при которыхъ они живутъ, то можно прийти къ заключенію, что какъ *pustula*, такъ и *carbunculus* могутъ развиваться самостоятельно отъ слѣдующихъ причинъ. 1) Въ прежніе годы, во время сильныхъ эпидемій, крестьяне бросали павшій скотъ гдѣ попадало, не зарывая его даже въ землю; въ послѣднее время, хотя заблаговременно были отведены мѣста и вырыты ямы для похороненія павшаго скота, но одни по упорству, другіе по идиотству, третьи наконецъ потому, что пала послѣдняя лошадь, хоронили скотъ на гумнахъ, дворахъ, въ поскотинахъ, поляхъ, при болотахъ, не смотря ни на какія убѣжденія, и при томъ зарывали какъ кому заблагоразсудится, отчего вблизи селеній собаки, а въ отдаленно ти волки разрываютъ падалъ и разносятъ по всѣмъ направленіямъ; падалъ остается на поверхности земли и, при наступленіи весны, вода, обмывая остатки падали и стекая съ

болѣе высокихъ мѣсть въ болота, изъ которыхъ крестьяне пьютъ воду, заражаетъ какъ траву, такъ и болота. 2) Навозъ изъ конюшенъ, или гдѣ была падалъ, выбрасывается или во дворъ и тутъ остается, или вывозится въ поскотивы, гдѣ пасутся лошади. 3) Проточныхъ рѣкъ мало, большія озера содержатъ горькосоленную воду или вдали отъ селеній и по причинѣ тоней вовсе недоступны; озера же и болота, окружающія селенія, заросли камышемъ, завалены навозомъ и отъ гниенія навоза, инфузорій—цвѣтутъ въ лѣтнее время, имѣютъ воду зеленого цвѣта, илстую, затхлую и неприятнаго вкуса; такую воду, за неимѣніемъ проточной, принуждены пить какъ люди, такъ и животныя. 4) Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, при отсутствіи дождей и вѣтровъ, отъ испаренія гнѣющихъ болотъ и иссыхающихъ солончаконъ и гниенія навоза, воздухъ дѣлается удушливымъ, смраднымъ, а вся растительность ржавою; кромѣ того, является множество гнуса, въ особенности паутовъ. (*) Наконецъ 5) Плодовъ и овощей мало, домашней птицы также, а рогатый скотъ не колется въ это время для нищи.“

Мы съ намѣреніемъ остановились долѣе на Сибирской язвѣ, такъ какъ она служитъ важнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію благосостоянія жителей Барабы. Затѣмъ упоминаемъ о другихъ болѣзняхъ, преимущественно господствующихъ въ этой мѣстности.

Лихорадки. На Барабинской степи весною и осенью въ сырое время, въ числѣ перемежающихся лихорадокъ встрѣчаются весьма трудныя формы послабляющихъ, такъ что принадлежки напоминаютъ картину тифа, если бы не вечернія послабленія, сопровождаемыя хотя незначительнымъ потомъ, и послѣ возрастающая сила принадлежковъ не разрѣшали сомнѣнія. Больные не рѣдко дѣлаются жертвою болѣзни. Перемежающіяся лихорадки въ селеніяхъ по берегамъ рѣкъ и озеръ имѣютъ тишь трехдневный и четырехдневный. Причина появленія лихорадокъ

(*) См. Мидендорфа—Бараба, стр. 44 и слѣд. „Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что изобилующія органическими веществами низменности, которыя, вслѣдствіе столчей на нихъ воды, превращаются въ болота, служатъ главнымъ мѣстомъ зарожденія Сибирской язвы, и при томъ только подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго лѣтняго зноя.“

заключается въ зараженіи маларіей, чему способствуетъ болотистая мѣстность и сырое время года.

Водянка, зависящая отъ заваловъ селезенки и печени, является какъ послѣдствие продолжительной лихорадки.

Поносы, крестьянскія дѣти, особенно грудныя, во время лѣтнихъ жаровъ страдаютъ отъ поносовъ, сопровождаемыхъ зелеными и слизисто—кровоянистыми испражнениями, зависящими отъ нарушенія діеты. Въ рабочее время дѣти обыкновенно остаются матерями на рукахъ хилыхъ старухъ, которыя, для укрощенія ихъ плача, набиваютъ постоянно ротъ то тюрей изъ хлѣба съ молокомъ, то заталкиваютъ въ него коровій сосокъ, разлагающійся, вонючій, наполенный скисшимъ отъ тепла молокомъ. Отъ этого, естественно, развиваются кислоты въ желудкѣ и желудочнокишечный катарръ.

Подпочва Барабы, тамъ, гдѣ она обнажена случайно, состоитъ изъ рыхлыхъ пластовъ (глины и песка), заключающихъ въ себѣ раковины преимущественно прѣсноводныхъ бассейновъ верхней третичной формаціи. Почва состоитъ изъ глины, покрытой черноземомъ; при благоприятныхъ условіяхъ, она даетъ хорошій урожай. Очень плодородна она на островахъ озера Чановъ и по берегамъ его. „Вообще, говоритъ Палласъ, Бараба заключаетъ въ себѣ землю плодородную, производящую всякаго рода хлѣбъ; Каинскій ленъ извѣстенъ во всей Сибири.“ Однакоже, это можно сказать только объ югозападной части Барабы; въ сѣверовосточной земли для хлѣбонашества не много и она производится только на гривахъ, отстоящихъ иногда верстахъ въ 30 отъ селеній. Сѣются преимущественно рожь, пшеница и овесъ. Травы хороши, но медицинскихъ растений нѣтъ. Строевой лѣсъ славляется съ верховьевъ р.р. Оми и Тартаса, но дровянаго много и онъ состоитъ исключительно изъ лиственныхъ деревьевъ—березы, осины и ивы, покрывающихъ всю степь красивыми перелѣсками. Фишеръ говоритъ, что нѣкогда по Барабѣ водились бобры. Теперь объ нихъ нѣтъ и помину, но водятся медвѣди, волки, лисицы, иногда совершенно чернобурья, а главное—горностаи высокаго сорта. Водяной и болотной птицы весьма много. О рыбахъ мы уже упомянули. Во многихъ озерахъ водятся пѣявицы, которыми Бараба снабжаетъ не только всю Томскую губернію, но и Восточную Сибирь, такъ какъ, начиная отъ Енисея, онѣ уже не встрѣчаются, кромѣ конскихъ.

II.

Самое отдаленное извѣстіе, какое мы имѣемъ о мѣстности, занимаемой Барабою, принимая это слово въ обширномъ его значеніи, относится къ XIII вѣку.—Знаменитый венеціанскій путешественникъ Марко—Пола, прослуживъ 17 лѣтъ у одного изъ преемниковъ Чингисъ—Хана, Кублай, и посѣтивъ самыя отдаленныя страны восточной Азіи, слышалъ во время своихъ разбѣдовъ и о странѣ, обитаемой Татарами, въ которую нельзя ходить, по причинѣ холода и льдовъ. Вотъ описаніе его этой страны.

„Надобно знать, что въ сѣверныхъ краяхъ свѣта живетъ много Татаръ, подъ властію одного князя, по имени Кагду, который изъ Чингисъ—Ханова рода и близкій родственникъ Кублаю. Онъ независимъ ни отъ какого другаго государя. Жители соблюдаютъ обычаи и права своихъ предковъ и считаются первоначальными Татарами. Ихъ король и его войска не стѣсняютъ себя въ городахъ и крѣпостяхъ: они живутъ во всякое время на открытыхъ равнинахъ, въ долинахъ или лѣсахъ, которыхъ много въ этой странѣ. У нихъ нѣтъ ни какого хлѣба: они питаются мясомъ и молокомъ и живутъ въ полномъ согласіи другъ съ другомъ: для короля ихъ, которому они безусловно послушны, всего дороже сохраненіе мира и согласія между его подданными, составляющими главный долгъ государя. У нихъ огромныя стада лошадей, коровъ, овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Въ этихъ сѣверныхъ краяхъ есть медвѣди бѣлаго цвѣта и очень большіе: они всего чаще въ 20 пидеи длины. Тамъ есть и лисицы, на которыхъ шерсть совсѣмъ черная, очень много дикихъ ословъ, да еще какіе—то звѣрки, по имени *рондегъ* съ самою нѣжною шерстью: у насъ называютъ ихъ соболінами или соболями. Кромѣ того, есть разныя звѣрки изъ породы куницъ и ласочекъ, да еще такіе, которыхъ зовутъ фараоновыми мышами (вѣроятно сурки). Множество послѣднихъ негѣроятно; но Татары ловятъ этихъ звѣрковъ такъ искусно, что они не ускользаютъ отъ нихъ. Чтобы добраться до страны, въ которой живутъ эти народы, надобно ѣхать 14 дней по широкой равнинѣ, совершенно необитаемой: въ ней сливаются безчисленныя рѣки и ручьи, отчего вся она въ болотахъ (*).

(*). Одинъ изъ комментаторовъ Марко—Пола, Марсенъ, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ этому мѣсту: „Посмотрѣвъ

Въ долгую холодную зиму все мерзнетъ: только въ немногіе мѣсяцы солнце разводитъ ледъ, и тогда почва дѣлается болотистою, отчего и путешестіе становится гораздо труднѣе и утомительнѣе, пезели въ то время, когда все замерзаетъ. Но чтобы кунцы могли посѣщать этотъ край и покупать его мѣха, въ которыхъ и состоитъ вся торговля тамошнихъ жителей, они съ большими усиліями сдѣлали доступною для путниковъ эту болотную степь и на концѣ всякаго дневнаго переѣзда выстроили по деревянному жилью, возвышенному надъ землею: тутъ приставлены люди, обязанные привимать кунцовъ и давать имъ вочлегъ, а на слѣдующій день провожать ихъ до другой стаянціи, пока не окончится степная дорога. (**). Для переѣзда по замерзнувшей землѣ у нихъ есть родъ повозокъ, нѣсколько похожихъ на тѣ, которыми пользуются природные жители крутыхъ и почти недоступныхъ горъ, въ сосѣдствѣ съ нашею странюю: онѣ называются носилками или санями, безъ колесъ, съ гладкимъ и ровнымъ дномъ, посреди загнутымъ полудугою къ верху; на такихъ саняхъ легко можно мчаться по льду. Для возки этихъ небольшихъ экипажей, жители приспособили какихъ—то животныхъ, которыя похожи на собакъ, да и могутъ такъ назваться, хотя величиною почти съ ослонъ. Онѣ очень сильны и привычны къ їздѣ. Шесть такихъ собакъ впрягаются по двѣ въ рядъ въ повозку, въ которой помѣщается только по-

на карту, видимъ, что множество рѣкъ, текущихъ къ сѣверу и сѣверо—востоку, имѣютъ свои истоки въ возвышенныхъ долинахъ, между 45 и 55 градусами широты, первоначальныхъ домовищахъ кочующихъ ордъ, гдѣ встрѣчаемъ такую обильную водою, какою описываетъ ее нашъ текстъ. Бараба (между Иртышемъ и Обью), дѣйствительно, обширная болотистая страна, что показываетъ и ея названіе. По всей по ней озера да болотныя топи, поросшія большими лѣсами изъ осины, ольхи, ивы и другихъ деревьевъ, которыя любятъ расти въ болотистой землѣ. См. Bells Gravel 1,205.

е(**) „Эти стоянки, замѣчаетъ Марсденъ, какъ ни незначительны онѣ по своей постройкѣ и обитателямъ, тѣ самыя что называются острогами или деревнями на языкѣ Русскихъ, къ государству которыхъ принадлежитъ описанный здѣсь край: дома настолько похожи на избы или деревянные укрѣпленія, сколько на тѣ строенія, что путешественники въ Камчатку и обратно называютъ „балаганами“ См. Лессепа Путешеств. въ Камчатку, кв. 1.

гонщикъ да купецъ съ поклажею своихъ товаровъ. По окончаніи дневнаго переѣзда, купецъ выходитъ изъ повозки съ такою собачьей упряжью, и мѣняетъ ее изодвѣ въ день до тѣхъ поръ, пока окончится степная дорога, а на обратномъ пути привозитъ съ собою мѣха, сбываемые въ нашей части свѣта.— Въ самой отдаленной части Татарской земли, откуда, какъ мы говорили, привозятся мѣха, есть другая страна, которая тянется къ самымъ крайнимъ сѣвернымъ предѣламъ міра и называется страню мрака, потому что въ большую часть зимнихъ мѣсяцевъ тамъ не видно солнца и небо такъ темно, какъ бываетъ у насъ передъ разсвѣтомъ, по поговоркѣ: ни день, ни ночь. У нихъ нѣтъ ни какого короля или государя, отъ котораго они были бы въ зависимости: они живутъ безъ нравовъ, безъ законовъ, подобно скотамъ. Разсудокъ у нихъ точно въ туманѣ и они очень глупы. (*) Татары врываются въ эту страну разбойническими паѣздами и отнимаютъ у жителей скоть и пожитки. Для того они пользуются тѣми мѣсяцами, когда бываетъ темно, чтобы не замѣтили ихъ приближенія; но, не зная хорошо дороги для возвращенія домой съ добычею, они, чтобы не заблудиться, ѣздятъ на кобылахъ, у которыхъ есть жеребята; эти послѣдніе провожаютъ матокъ до границъ Татарской земли, а потомъ, при вѣздѣ въ темный край, Татары оставляютъ ихъ подъ особеннымъ присмотромъ: покончивъ свои темныя дѣла и пожелавъ опять увидѣть страну свѣта, татары бросаютъ поводья на шею своихъ лошадей, и эти бѣгутъ, какъ имъ взду-

(*) Здѣсь, по всей вѣроятности, говорится объ Остякахъ и Самоѣдахъ, населяющихъ крайній сѣверъ Тобольской и Томской губерній. Сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ объ Остякахъ, бродившихъ по Оби, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „во истину и скотамъ не уподобившися сіи люди: скоть бо, аще есть и безсловесно, но что есть повелѣно Богомъ ясти ему и ясть, звяря или птицы, или траву сѣнную. Сіи жъ чловѣцы не уподобившися симъ, понеже..... сыроядцы, звѣрина же и падская мяса снѣдающе скверна и кровь пїяху, яко воду отъ животныхъ, а также и траву и кореніе ядоху.“ Фишеръ говоритъ, что *Юштакъ* у Татаръ значить „варваръ,“ подобно греческому „скифъ,“ г. е. пришлецъ, незнакомецъ, непросвѣщенный, дикій чловѣкъ. Покоривъ Остяковъ, они дали эти названія какъ имъ, такъ и другимъ племенамъ, какъ на примѣръ, *Вогуламъ*.

мается. Руководимыя материнскимъ инстинктомъ, онѣ выбираютъ дорогу прямо къ тому мѣсту, гдѣ оставили своихъ жеребятъ, и такимъ образомъ, всадники вѣрно добираются до своихъ домовъ.— Жители этой темной страны пользуются лѣтнимъ временемъ, когда у нихъ постоянный день, для убиванія множества горностаевъ, куницъ, ласочекъ, лисицъ и другихъ звѣрей этого рода; мѣха ихъ очень нѣжны, а потому и гораздо дороже тѣхъ, которые находятся въ странахъ, обитаемыхъ татарами: это—то и соблазняетъ татаръ къ тѣмъ набѣгамъ, о которыхъ мы упомянули выше. Лѣтомъ они возятъ мѣха въ сосѣднія страны, гдѣ и сбываютъ ихъ съ хорошею прибылью: мнѣ рассказывали, что нѣкоторые мѣха вывозятся даже въ землю Русь.

Марка—Пола въ этомъ отрывкѣ говоритъ, что обитавшіе по Барабѣ татары соблюдали обычаи и нравы своихъ предковъ и считались первоначальными Татарами. Чтобы сколько нибудь познакомиться съ этими нравами и обычаями, приведемъ еще слѣдующее мѣсто изъ сочиненія венеціанскаго путешественника:

„Татары ни гдѣ не живутъ постоянно: съ приближеніемъ зимы они уходятъ въ равнины болѣе теплыхъ странъ искать пастбищъ, достаточныхъ для ихъ скота, а лѣтомъ ищутъ прохладныхъ мѣстъ въ горахъ, гдѣ есть вода и трава, а скотъ не беспокоятъ мухи и другія кусающія насѣкомыя. Въ продолженіи двухъ, или трехъ мѣсяцевъ, они уходятъ все выше и выше въ нагорныя мѣста и ищутъ новыхъ луговъ, потому что ни гдѣ недостаетъ травы для прокормленія чрезвычайнаго множества ихъ стадъ. Ихъ хижины или наметы состоятъ изъ колевъ, покрытыхъ войлоками: эти наметы совсѣмъ круглыя и устроены такъ искусно, что Татары складываютъ ихъ въ связку и безъ труда возятъ съ собою на особеннаго рода повозкахъ о четырехъ колесахъ. Когда приходится раскинуть эти наметы, они всегда обращаютъ ихъ входомъ къ югу. Сверхъ того, у нихъ есть еще очень удобныя повозки о двухъ колесахъ, также покрытыя войлокомъ, и превосходныя до того, что татары, сидя въ нихъ, выдерживаютъ цѣлый день дождь, не промокнувъ. Эти телѣги тащатъ волы и верблюды: въ нихъ возятъ татары своихъ женъ и дѣтей, домашнюю посуду и необходимые припасы; женщины занимаются всякими торговыми дѣлами, продаютъ, закуцаютъ, исправляютъ все нужное для своихъ господъ мужей и семьи, потому что мужчины занимаются только звѣриною и соколиною охотою да оружейнымъ дѣломъ. У нихъ лучшіе на свѣтѣ соколы и

такіе же собаки. Они питаются только мясомъ и молокомъ, дичью, которую доставляетъ имъ охота, да еще нѣкоторыми маленькими звѣрками, нѣсколько похожими на кроликовъ: у насъ зовутъ ихъ фараоновыми мышами (сурки). Лѣтомъ ихъ очень много въ равнинахъ. Татары ѣдятъ всякое мясо—лошадиное, верблюжье, даже собачье, но только отъ жирныхъ собакъ. Они пьютъ кобылье молоко, которое умѣютъ такъ хорошо приготовить, что оно получаетъ пріятный вкусъ бѣлаго вина, и тогда называютъ его на своемъ языкѣ кемурсъ (кумышъ). Ихъ жены самыя честныя и цѣломудренныя въ свѣтѣ, и очень любятъ и почитаютъ мужей. Нарушеніе брачнаго союза считается у нихъ безчестнымъ и низкимъ порокомъ. Съ другой стороны, странно видѣть странное обращеніе мужей съ ихъ женами, которыя, когда ихъ 10 или 20, живутъ между собою въ такомъ мирѣ и согласіи, что заслуживаютъ всякихъ похвалъ. Обидныхъ словъ между ними никогда не слышно: все ихъ вниманіе вполне посвящено торговлѣ, какъ уже сказано, да разнымъ домашнимъ занятіямъ, на прим. заботамъ о житейскихъ потребностяхъ семьи, надзору за служителями, присмотру за дѣтьми, о которыхъ онѣ заботятся сообща. И такая скромность и цѣломудріе въ женщинахъ тѣмъ похвальнѣе, что мужчинамъ дозволено имѣть по столько женъ, сколько хотятъ. Издержки на нихъ мужа не велики, а польза ему отъ нихъ, по торговымъ дѣламъ, которыми онѣ заняты постоянно, значительна: отъ того-то, когда онъ беретъ жену себѣ, платитъ ей родителямъ брачныя деньги. Первой женѣ оказываютъ больше уваженія и считаютъ ее законнѣе всѣхъ, что простирается и на рожденныхъ отъ нея дѣтей. По причинѣ такого неограниченнаго числа женъ, потомство у татаръ гораздо многочисленнѣе, нежели у другихъ народовъ. По смерти отца, сынъ можетъ взять за себя всѣхъ женъ, оставленныхъ покойнымъ, кромѣ только своей матери. Сестръ имъ нельзя брать въ замужество, но по смерти братьевъ, они могутъ жениться на своихъ невѣсткахъ. Ихъ свадьбы совершаются очень торжественно. Вѣра и законъ у татаръ слѣдующіе. Они говорятъ, что есть великій, небесный и всевышній Богъ, которому они каждый день приносятъ благовонныя куренія въ сосудахъ и молитвы о сохраненіи душевнаго и тѣлеснаго здоровья. Они чтутъ и другаго Бога, по имени Натигая, котораго образъ, покрытый войлокомъ или сукномъ, сохраняется во всѣхъ домахъ. Этому идолу они даютъ еще жену и дѣтей: первую ставятъ на лѣво отъ него, а послѣднихъ передъ нимъ въ почтительномъ положеніи. Они считаютъ его божествомъ, располагающимъ земными дѣлами, покровителемъ ихъ дѣтей и

стражемъ ихъ скота и хлѣба; оказываютъ ему великое почтеніе и за обѣдомъ не забываютъ никогда помазать жирнымъ кускомъ мяса ротъ у идола, также у его жены и дѣтей. Потомъ выливаютъ за двери не много отвара, въ которомъ готовился обѣдъ, въ жертву другимъ духамъ. Когда это сдѣлано, они думаютъ, что идолъ и его семейство получили свою долю, и потомъ ѣдятъ и пьютъ сами безъ дальнѣйшихъ церемоній. Богатые въ этомъ народѣ одѣваются въ золото и шелкъ, въ собольи, горностаевые и другіе мѣха. Оружіе у нихъ: луки, желѣзные палицы да иногда копыя, во всего искусствѣ владѣютъ они лукомъ, потому что еще съ дѣтства употребляютъ его при своихъ забавахъ; военные доспѣхи изъ толстой кожи буйвола и другихъ звѣрей, высушенной на огнѣ и получившей отъ того необыкновенную прочность. Въ бою они храбры до отчаянія, мало дорожатъ жизнью, смѣло и безостановочно идутъ на встрѣчу всякихъ опасностей. Они жестоки по природѣ. Способны переносить всякія лишенія и, если нужно, могутъ цѣлый мѣсяцъ прожить на молокѣ своихъ кобылъ да на мясѣ дикихъ звѣрей, какихъ приведется поймать. Ихъ лошади кормятся только травою и не требуютъ ни овса, ни ячменя. Мужчины привыкли оставаться на конѣ двое сутокъ, не слезая; они спятъ въ такомъ положеніи, межъ тѣмъ какъ лошади ихъ щиплютъ траву. Ни одинъ народъ на землѣ не превзойдетъ ихъ въ мужестіѣ въ трудныхъ положеніяхъ жизни; ни одинъ не обнаруживаетъ больше терпѣливости при недостаткѣ во всемъ необходимомъ. Сверхъ того, они покорны своимъ вождямъ и содержатся съ небольшими издержками. Благодаря такимъ качествамъ, столь необходимымъ для образованія война, они способны завоевать весь свѣтъ, какъ уже сдѣлали это съ значительною его частію.“

И теперь еще на обширномъ пространствѣ Барабы можно встрѣтить многочисленныя слѣды, оставленные прежними ея обитателями и заключающіеся въ курганахъ и нѣкоторыхъ развалинахъ. Такъ у села Тончюре, на полуостровѣ, образуемомъ р. Омью, видны до нынѣ остатки стариннаго татарскаго города, служившаго, по преданіямъ, резиденціею какого—то хана. Фалькъ видѣлъ здѣсь тройной валъ, развалины каменныхъ стѣнъ, близъ которыхъ находимы были металлическая утварь, глиняные сосуды и небольшія монеты. Близъ этого города видны были разрытые и цѣлыя курганы вышиною болѣе сажени. Изъ послѣднихъ Фалькъ велѣлъ три раскопать и нашелъ нѣсколько человѣческихъ костей съ черепомъ, обращеннымъ къ западу. При Кошкулѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ выше по Оми, видно было

7 разрытыхъ кургановъ. При устьѣ Тарка, немного выше впаденія Оми въ Иртышъ, находится валъ около четырехъ угольной площади, въ поперечникѣ 90 сажень. Это мѣсто называется Чудскимъ и Ермаковскимъ городкомъ. Нѣкоторые приписываютъ его прежнимъ обитателямъ страны, другіе же, на противъ того, думаютъ, что эти окопы сдѣланы Ермакомъ. Недалеко отсюда Фалькъ видѣлъ 15 давно уже разрытыхъ кургановъ. Другіе 9, похожіе на первые, находились нѣсколько выше на правомъ берегу Оми.—Выше впаденія въ Омь Тартаса, въ окружности на нѣсколько верстъ, находилось 206 кургановъ, частью раскопанныхъ, частью же цѣлыхъ. Самые большіе изъ нихъ были вышиною въ 2 сажени.—При Камѣ, въ 5 верстахъ выше ея впаденія въ Омь, при д. Турумовой, находится валъ укрѣпленія позднѣйшаго времени. По описанію Фалька, онъ заключаетъ площадь длиною 63, а шириною 13 саж., при рѣчкѣ. На площади видны еще слѣды небольшого каменнаго строенія, думатьъ должно; отъ печей. Барабинскій князь Турунъ имѣлъ здѣсь окопы, но въ 1740 г., при нападеніи Киргизъ, былъ убитъ. Такихъ окоповъ, отъ набѣговъ Киргизъ, по Барабѣ очень много,—на прим. два при Оми близъ Каинска; они походятъ на описанный выше, только менѣе. Въ одномъ Киргизы разбили Барабинцевъ, а другою оставили они сами, получивъ подкрѣпленія отъ Иртышской и Колыванской линій.—О курганахъ при озерѣ Убинскомъ мы уже упоминали.—У Каргата подлѣ озера Чаны видны еще слѣды Каргатскаго Форпоста, уничтоженаго въ 1750 г., при учрежденіи пограничныхъ линій. При этой рѣчкѣ и близъ означенныхъ развалинъ стоятъ разсѣянно 7 кургановъ, а подалѣе еще другіе курганы вышиною въ 2 сажени. Нельзя не пожалѣть, что всѣ эти остатки древности до сего времени не изслѣдованы надлежащимъ образомъ и годъ отъ году уничтожаются безпощадно рукою времени и невѣжественною рукою чловѣка.

Въ XV в. огромное государство, основанное завоеваніями Чингизъ—Хана, стало приходить въ упадокъ, а входившія въ составъ его тюркскія племена, занимавшія въ то время южную половину нынѣшней Тобольской и большую часть Томской губерній, были уже независимы и раздѣлялись на нѣсколько мелкихъ владѣній. Великое для русской исторіи событіе—покореніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго и владычество надъ всею рѣчною областью Волги, поставили Россію въ прямыя политическія отношенія съ сибирскими народами, имѣвшими съ незапамятныхъ временъ постоянныя торговыя сношенія съ обла-

дателями этой рѣчной области. (*) Въ 1555 году, т. е. три года спустя послѣ паденія Казани и годъ послѣ паденія Астрахани, одинъ изъ владѣтелей Сибири Етигеръ прислалъ къ царю Ивану Васильевичу Грозному своихъ пословъ поздравить его съ одержанными имъ побѣдами. Сношенія эти продолжались съ такимъ усилѣмъ, что въ 1557 г. Етигеръ сталъ къ нему почти въ давнишескія отношенія. Но около 1663 г. онъ погибъ въ борьбѣ съ своимъ болѣе могущественнымъ сосѣдомъ Кучумомъ, овладѣвшимъ ханскою ставкою на Иртышѣ—Сибирью, отъ которой впоследствии получила названіе вся покоренная русскими сѣверная Азія. Между тѣмъ, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ двигателей человѣчества—интересы экономическіе и торговые—завязали тѣснѣе и тѣснѣе наши сношенія съ Сибирью. Передовыми представителями этихъ интересовъ явились Строгановы, которымъ принадлежитъ безсмертная историческая заслуга не только развитія гражданственности и цивилизаціи въ обширной Пермѣ, но и перенесеніе ея на Уралъ, въ предѣлы нынѣшней Сибири. Въ 1581 г. русскіе казаки уже овладѣли Сибирью, т. е. стойбищемъ Кучума, и стали твердою повою на Иртышѣ. Въ 1587 г. былъ уже основанъ Тоболоскъ, а въ 1594 г. Тара, изъ которой и началось завоеваніе Барабы и колонизаціи ея русскимъ населеніемъ.

(*) Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ—Батута вотъ что говоритъ о „странѣ мраковъ.“ Марка—Пола, подѣ которую должно разумѣть, по всей вѣроятности, сѣверныя части нынѣшней Тобольской, а можетъ быть и Томской губерній:

„Я желалъ войти въ страну мраковъ; туда проникають, оставя Булгарь; между этими двумя пунктами разстояніе на сорокъ дней. Но я отказался отъ своего намѣренія по причинѣ большаго количества жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ для этого, и незначительной пользы. Къ этой странѣ иначе не путешествуютъ, какъ въ небольшихъ тележкахъ, запряженныхъ огромными собаками. Эта пустыня покрыта льдомъ; ноги людей и копыта вьючныхъ животныхъ скользятъ по немъ. Но у собакъ есть когти и ихъ лапы не скользятъ по льду. Въ эту пустыню входятъ только самыя сильныя купцы, тѣ, изъ которыхъ у каждаго есть по сту или около того тележекъ, нагруженныхъ съѣстными припасами, питьями и дровами для топлива. Ибо тамъ нѣтъ ни деревьевъ, ни каменьевъ, ни грязи. Проводникъ путешественниковъ въ этой странѣ—собака, проходившая ея множество разъ. Цѣна за такое животное восходитъ до тысячи

Въ началѣ весны 1595 г. первый воевода города Тары князь Елецкій, имѣя въ виду, что кочевавшіе въ то время въ верховьяхъ Оми Татары платятъ дань хану Кучуму и Ногайскому мурзѣ Алею, предпринялъ походъ въ Барабинскую степь, съ цѣлю покорить ихъ. Не смотря на то, что войско Елецкаго было немногочисленно и состояло только изъ 483 человекъ, походъ этотъ былъ очень счастливъ. Воевода осадилъ, взялъ и разрушилъ Татарское укрѣпленіе Тунусъ и захватилъ въ плѣнъ засѣвшаго тамъ мурзу Чангула. Весною слѣдующаго года по-

динаріевъ или около того. Тележка прикрѣпляется къ ея шеѣ и вмѣстѣ съ нею запряжены три другихъ собаки. Она начальница и всѣ другія собаки слѣдуютъ за нею съ арбами. Когда она останавливается, онѣ также останавливаются. Хозяинъ этой собаки не обращается съ ней дурно и не бьетъ ее. Когда подають пищу онъ даетъ собакамъ ѣсть прежде людей. Если случится противное этому, собака бываетъ недовольна; она убѣгаетъ и оставляетъ на смерть своего хозяина. Когда путешественники прошли сорокъ дней въ этой пустынѣ, то останавливаются подлѣ страны мраковъ. Каждый изъ нихъ оставляетъ въ этомъ мѣстѣ привезенные съ собою товары; потомъ они возвращаются всѣ на свою обыкновенную станцію. На другой день они приходятъ посмотреть свои товары. Они находятъ на противъ ихъ соболя, бѣлку и горностаю. Если хозяинъ товаровъ доволенъ тѣмъ, что лежитъ противъ его тюка, то беретъ это; если нѣтъ, то оставляетъ. Жители страны мраковъ увеличиваютъ оставленные предметы; но часто они уносятъ свои товары и оставляютъ товары чужеземныхъ торговцевъ. Люди, отправляющіеся къ этому мѣсту, не знаютъ, гении или люди продають и покупають и никогда ни кого не видятъ.

„Горностаю есть самый лучший родъ мѣха. Шуба этого мѣха стоитъ въ Индіи тысячу динаріевъ, которые, въ обмѣнѣ на магреское золото, равны двумъстамъ пятидесяти динаріямъ. Это мѣхъ—чрезвычайной бѣлизны; онъ дѣлается изъ кожи маленькаго животнаго въ четверть длиною; хвостъ его длиненъ и его оставляють въ мѣхъ въ его естественномъ видѣ.

„Соболь дешевле въ цѣнѣ горностаю; шуба изъ этого мѣха стоитъ четыреста динаріевъ и больше. Одна изъ принадлежностей этихъ кожъ та, что въ нихъ не заводится гадины. Князья и вельможи Китая привѣшиваютъ одну такую шкуру къ своей шубѣ, вокругъ шеи. Купцы Персіи и обонихъ Ирановъ дѣлають тоже самое.“

ходъ былъ повторенъ и всѣ волости Барабинскихъ Татаръ, послѣ незначительнаго сопротивленія, покорились.

Однакожь, эта покорность была только видимая. Въ послѣдствіи времени, они не разъ бунтовались и соединялись съ Калмыками, имѣвшими притязаніе на обладаніе всею Барабинскою степью.—Такъ въ 1628 г. они убили сына боярскаго и 18 человекъ Тарскихъ казаковъ, которые оставлены были въ степи для защиты Татаръ отъ набѣговъ Калмыковъ. Послѣ этого князецъ ихъ Когутай съ сообщниками своими ушелъ въ верховья Оби и посланные за нимъ, чтобы возвратить, три человека пропали безъ вѣсти. Въ слѣдующій годъ, они снова взбунтовались, опустошили нѣсколько селеній, принадлежащихъ Тарѣ, и хотя были наконецъ разбиты, однако же до 150 человекъ, спасшихся отъ побоища, ушли въ слѣдъ за Когутаемъ. Съ другой стороны и Калмыки не оставляли въ покоѣ барабинцевъ за покорность ихъ русскому владычеству. Такъ въ 1659 г. они разорили пять барабинскихъ волостей и увели въ плѣнъ болѣе 700 душъ обоего пола со всѣмъ, принадлежавшимъ имъ, имуществомъ.

Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь составленное въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. описаніе Барабинцевъ, приводимое Веберомъ въ его запискахъ о Петрѣ Великомъ и его преобразованіяхъ:

„Народецъ Барабинцы, говоритъ авторъ этого описанія, есть племя Калмыцкое, платящее Русскому царю и Бустухану (пограничному Калмыцкому князю) подушную подать, каждому по равной части. Они имѣютъ у себя трехъ главныхъ начальниковъ, по имени Тайши; первый называется Карзагачъ, второй Байкишъ и третій Байдукъ. Эти три владѣльца получаютъ съ Барабинцевъ подати и доставляютъ Русскому царю слѣдующую ему часть. Первый Карзагачъ доставляетъ собранную имъ царскую часть податей въ городъ Тару; Байкишъ—въ крѣпостцу Телуу и Байдукъ—въ крѣпость Келенбу, и всѣ эти подати уплачиваются именно мѣхами. Вообще же нація эта—злой и непокойный народъ, живетъ подобно Сибирскимъ татарамъ въ деревянныхъ избахъ, устроенныхъ весьма низко на землѣ. О печахъ они не имѣютъ понятія, но въ избахъ у нихъ устроенъ родъ трубы, или дымовое отверстіе. Когда дрова, сложенные внутри избы, прогорятъ, дымовое отверстіе закрывается, и хозяева довольствуются однимъ углемъ, около котораго и обо-

грѣшаются до тѣхъ поръ, пока жаръ въ угляхъ совсѣмъ не поухнетъ. У нихъ нѣтъ городовъ или иныхъ постоянныхъ мѣсто-
 пребываній, но лѣтомъ живутъ они въ легко устроенныхъ на-
 вѣсахъ и палаткахъ, которыми они умѣютъ проворно раскидывать
 и убирать. На зиму они собираются опять въ свои теплыя де-
 ревянныя избы. Питаются они дичиною, охотно занимаются
 земледѣлемъ, сѣютъ овесъ, ячмень и гречиху. Рожь или ржа-
 ной хлѣбъ не ставятъ они ни во что; если имъ дадутъ этого
 хлѣба, то на вкусъ онъ, по видимому, имъ нравится; но жуютъ
 они его и странно какъ—то перебрасываютъ его языкомъ во
 рту, какъ бы вѣчто жидкое или колючее; за тѣмъ выплевыва-
 ютъ его и счищаютъ языкъ, какъ бы на немъ было что ни-
 будь такое, чего они не могутъ пропустить въ желудокъ. Воз-
 дѣлываемый ими ячмень они мочатъ сперва въ водѣ, потомъ
 просушиваютъ его не много и обколачиваютъ (молотятъ) до
 тѣхъ поръ, пока не отскочитъ мякина или шелуха; за тѣмъ
 этотъ щелученый ячмень они сушатъ и поджариваютъ даже въ
 желѣзномъ, раскаленномъ котлѣ, и когда онъ сдѣлается такой
 жесткій и твердый, какъ кость, то его ѣдятъ въ такомъ высу-
 шенномъ видѣ, такъ что онъ хруститъ у нихъ на зубахъ. Это
 и составляетъ ихъ хлѣбъ. Они употребляютъ въ пищу и сарану,
 или луковцу желтой лиліи, сушатъ ее, потомъ толкутъ, варятъ
 съ молокомъ и ѣдятъ вмѣсто молочной каши. Пьютъ они ку-
 мысъ, или водку изъ кобыляго молока, затѣмъ пьютъ куразу
 или черныи чай, доставляемый имъ Булгарами. Одежда ихъ
 какъ мужская, такъ и женская, на манеръ Монгольской и Кал-
 мыцкой. Они имѣютъ столько женъ, сколько могутъ только
 прокормить ихъ. Оружіе ихъ, какъ у всѣхъ татаръ, лукъ и
 стрѣлы. Они держатъ много скота, лошадей, верблюдовъ, ко-
 ровъ, овецъ; но свиней не держатъ и не ѣдятъ. Ежегодно они
 добываютъ охотой множество прекраснаго мѣху: соболей, куницъ,
 бѣлокъ, горностаевъ, лисицъ, росомахъ, бобровъ, норокъ, выдръ
 и проч. и этими мѣхами уплачиваютъ свои подушныя подати.
 Когда они выходятъ на охоту, то берутъ съ собою въ кустар-
 никъ такъ называемаго шайтана. Этотъ шайтанъ вырѣзывается
 ими изъ дерева довольно грубо, какъ только возможно вырѣзать
 его ножомъ, и затѣмъ на него надѣвается одежда изъ матеріи
 всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, на подобіе одежды русскихъ женъ
 щинъ. Идола этого ставятъ они въ особенно—устросный для
 того ящикъ и везутъ на особыхъ саняхъ. Первое, что изловить
 они на охотѣ, что бы это ни было, они приносятъ въ жертву
 этому деревянному шайтану. Если охота доставитъ имъ хоро-
 шую и богатую добычу, съ радостію возвращаются они домой,

ставять своего идола съ его ящникомъ на высокое мѣсто въ своей хижинѣ, обиживаютъ его спереди и сзади, сверху и снизу, сободемъ, куницей и всякаго рода мѣхами, въ благодарность за то, что онъ доставилъ имъ такой счастливый уловъ; и эти прекрасные мѣха такъ и остаются на шайтанѣ, портятся и дѣлаются ни къ чему негодными: ибо Барабинцы покрываютъ вѣчнымъ стыдомъ того, кто эти пожертвованныя шайтану вещи отбереть у него назадъ и продасть. Поэтому—то на этихъ идолахъ всегда можно увидѣть навѣшанныя во множествѣ старья, извѣденныя червями шкуры.“

Постоянные безпорядки въ Барабинской степи довольно трудно было унять и Тарскимъ воеводамъ и Томскимъ, въ вѣденіе которыхъ перешли Барабинцы послѣ основанія Томска въ 1604 году: тотъ и другой административные пункты находились довольно далеко отъ волостей Барабинскихъ татаръ. Поэтому представилась необходимость построить хотя небольшія укрѣпленія вблизи самыхъ ихъ жилищъ, необходимость тѣмъ болѣе настоятельная, что въ концѣ XVII вѣка измѣнилось и самое направленіе пути изъ Россіи въ Сибирь.

Сперва этотъ путь лежалъ на Тобольскъ чрезъ Соликамскъ и Верхотурье, а изъ Тобольска зимою и лѣтомъ по Иртышу, Оби и Кеи до Енисейска. Но мало по малу проложена была дорога отъ Тобольска сухопутно до Тары, а потомъ отъ Тары до Томска. Надо было обезопасить этотъ путь отъ хищническихъ нападений кочевниковъ. Уже въ 1713 г. на восточной оконечности Каинской Барабы былъ основанъ съ этою цѣлю Чаусскій острогъ, переименованный въ послѣдствіи времени въ городъ Колыванъ; въ 1722 г., съ этою цѣлю, основаны на западной оконечности Барабы укрѣпленія Каинское, переименованное послѣ также городомъ, Тартасское и Убинское.

Въ 1761 г. Кабинетъ, управлявшій Колыванскими заводами, признавалъ за нужно заселить дорогу отъ Чауска до Томска и по Барабѣ ямщиками Демьянскаго и Самаровскаго ямовъ, гдѣ было ихъ около 2000 душъ. Тогдашній Сибирскій Губернаторъ Соймоновъ, имѣя въ виду разрѣшеніе Правительства еще въ 1755 г., чтобы по Тобольской губернии освободить отъ почтовой гоньбы крестьянъ и разночинцевъ съ обращеніемъ этой повинности на ямщиковъ, которыхъ числилось отъ Верхотурья до Тары 9 т., исполнилъ требованіе Кабинета только отчасти. Но болѣе достаточное заселеніе этой мѣстности относится къ времени Губернатора Чичерина.

Въ теченіи осьмнадцати лѣтъяго управленія своего Сибирью (1762—1780) имѣ основаны или распространены слѣдующія селенія нинѣшняго Каинскаго округа—Мураши, Ново—Тутальское, Назарово, Карачинское, Козловское, Посадское, Ичинское, Турумовское, Верхне Омское, Ново—Разило, Антошкино, Мапгазерное, Осиновые Колки, Колмаково, Крутологовское, Чулымское, Сергино, Иткульское. Въ нихъ водворено было болѣе 2-хъ душъ. Новыя селенія наполнялись ссылаемыми въ Сибирь на поселеніе преступниками. Но какъ этихъ людей было мало и при томъ они были опасны, то Чичеринъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе набрать для этого людей годныхъ съ семействами въ зачетъ рекрутъ. „Здѣшніе колонисты, говоритъ Фалькъ, состоятъ изъ негодныхъ рекрутъ или убѣжавшихъ изъ Россіи крестьянъ, плутовъ, воровъ и другихъ преступниковъ, кромѣ смертоубійць. Въ одной деревнѣ всѣ жители прежде всего заключены были въ Балтійскомъ портѣ и при ономъ производили работы въ гавани. Женщины суть также частію ссылочныя изъ Россіи, частію же добровольно поселившіяся здѣсь съ преступными ихъ мужьями.“

Колонистамъ предоставлялось получать изъ казенныхъ дачъ лѣсъ, изъ котораго они должны были производить строенія для себя и для другихъ партій колонистовъ, пахатная земля, луга и дрова. Каждому изъ нихъ давалась лошадь, корова, двѣ овцы, плугъ, топоръ, для посѣва 9 пудовъ ржи, 4 пуда ячменя, столько же овса, 1 пудъ коноплянаго семени, на 3 года солдатскій провіантъ и 1 копейка для него и по $\frac{1}{2}$ к. женѣ и дѣтѣмъ въ день. На четвертый годъ они должны были платить подати. Деревни строились правильно, дома—одной мѣры. Многія деревни состояли подъ надзоромъ старостъ изъ солдатъ, безъ позволенія которыхъ никто не смѣлъ отлучаться на ночь и которымъ предоставлено было разбирательство мало-важныхъ дѣлъ и употребленіе тѣлеснаго наказанія. О болѣе важныхъ проступкахъ и преступленіяхъ колонистовъ старосты обязаны были доносить по начальству, и тогда виновный наказывался строго, по особому распоряженію административной власти или по приговору суда. Всякая деревня избирала себѣ старосту и управлялась по уставу старыхъ деревень.

Кромѣ устройства селеній, колонисты должны были еще устраивать дорогу. Среди болотъ, на сотни верстъ, нужно было дѣлать искусственныя насыпи и гатить ихъ лѣсомъ и хворостомъ. Работы было много и она была чрезмѣрно тяжела, при томъ

же эта работа производилась при самой строгой дисциплинѣ и распорѣ жестокими наказаніями. „Чичеринъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи Сибири, до сихъ поръ живетъ въ памяти народной. Онъ принялъ на себя обязанность Тобольскаго Полиціеімейстера, устроилъ гусарскую команду, развѣзжалъ съ нею по ночамъ по городу и чинилъ наказанія. Въ лѣтнее время, въ рабочіе дни онъ выѣзжалъ въ деревни наблюдать за крестьянскими работами, придирался къ каждой мелочи и дралъ вешадво мужиковъ. (*) Эту палочную систему Чичеринъ приложилъ съ особенною ревностью къ тѣмъ колонистамъ, которыми онъ заселилъ Барабинскую степь. Тысячи поселенцевъ легли здѣсь костями подъ изнурительными работами, подъ жестокими наказаніями, въ лихорадкахъ, тифѣ, цингѣ и подъ пятномъ Сибирской язвы; но новыя толпы, осужденныя на смертность, замѣняли ихъ. Мрачныя преданія остались между старожилами Западной Сибири объ этомъ пресловутомъ заселеніи, и только пожаръ Тобольскаго Архива стеръ изъ документовъ всё подробности этихъ страшныхъ жертвованій.“ Вообще, въ первые годы заселенія лѣтняя жизнь колонистовъ была самая мучительная. Не говори уже о тяжелыхъ работахъ и строгомъ надзорѣ, воздухъ, гущенный болѣтстыми испареніями, былъ тяжелъ и для людей и для скота. Въ жары Сибирская язва господствовала на полномъ просторѣ. Кромѣ того, и человекъ и скотъ невыносимо страдали отъ овода, который неуспешно и беспощадно терзалъ ихъ днемъ и ночью. Сѣтка и дымокъ были довольно слабою защитою противъ жестокаго и безчисленнаго веприятеля. Зима, какъ благодѣтельница, приходила облегчить страданія колонистовъ.

Однакоже, мало по малу, мѣстность стала обсыхать; самый климатъ на людяхъ, по выраженію Словцова, сталъ принимать

(*) До чего доходили иногда экономическія увлеченія Чичерина и какія имѣли послѣдствія,—видно, между прочимъ, изъ указа Енисейской Провинціальной Канцеляріи отъ 29 Сентября 1769 года. Въ этомъ указѣ Канцелярія извѣщаетъ жителей, что въ началѣ Сентября м. отъ Генераль—Губернатора будутъ посланы особые нарочные для освидѣтельствованія, не будетъ ли гдѣ, по лѣности крестьянъ, не убрано съ поля хлѣбовъ; а потому она „наискрѣчайше подтверждаетъ: кто на поляхъ застанъ будетъ въ половинѣ Сентября и только еще при жатвѣ, то оныя наказаны будутъ кнутомъ.“

людкость. Проходящія купече-кія клади давали колонистамъ помощь и отраду въ ихъ быту, плати за постои, кормъ и пищу. Бараба съ года на годъ, по распоряженію начальства, дѣлалась людѣе и жизнь становилась не столь тяжкою, а послѣ даже очень сносною.

Фалькъ, проѣзжавшій Барабу въ самый разгаръ ея заселенія, говоритъ, что колонисты вообще живутъ очень хорошо. „Они трудолюбивые, хорошіе и спокойные земледѣльцы, изъ коихъ нѣкоторые довольно зажиточны. Они сильно размножаются и во второмъ колѣнѣ общають еще болѣе пользы; если бы можно было доставить имъ болѣе женскаго пола, то хозяйство болѣе бы процвѣтало. Но нѣкоторые преданія закоснѣлымъ ихъ страстямъ, такъ наприм. въ Осиновыхъ Колкахъ, два года тому назадъ (1770), убили они проѣзжаго за нѣсколько копѣекъ; въ Убинской дѣлали они оловянные рубли и проч.“ Князь Щербатовъ въ своей „Статистикѣ въ разсужденіи Россіи“ (1776—1777), между прочимъ, пишетъ: „говоря о земледѣіи сей страны (Сибири), не должно умолчать о Барабинской степи, которая отъ моря до Томска простирается: на сей степи учинены великія поселенія изъ отдаленныхъ мѣсто рекрутъ на поселеніе крестьянъ, и хлѣбонашество тутъ толь размножилось, что дѣйствительно, при плодонсіи сей земли, народъ какъ овныиъ, такъ и великимъ скотоводствомъ сталъ тутъ обогащенъ.“ — „Съ 1810 по 1827 г, говоритъ Словцевъ, мнѣ случалось проѣзжать Барабу раза три въ Іюнѣ и Іюль. Въ каждой деревнѣ, въ воскресные дни, дѣвицы, моло ицы и молодцы, хорошо одѣтые, иѣли и плясали въ хоровахъ по улицамъ, съ веселою безнечностію, до полночи. Надобно признаться, что между нами не много лицъ правильн хъ. Но какая разница съ первобытнымъ дѣдовскимъ житіемъ! Со временемъ выправится и рисункъ лицевой!“ Не лишены также интереса замѣтки о Барабѣ извѣстнаго норвежскаго ученаго Гаустеена, путешествовавшаго по Сибири съ 1828 по 1830 годъ, для изученія земнаго магнетизма. Двлаемъ изъ нихъ нѣкоторыя выдержки.

„Здѣсь, говоритъ Гаустеевъ, всегда запрягають трехъ лошадей въ экичажъ; одну о бокъ другой; самая сильная помѣщается въ оглобли въ срединѣ, боковыя тянутъ веревки. Это и называется *тройкою* — Если повозка тяжелая, а дорога дурная, то впереди первыхъ пристягивають еще двухъ лошадей. Такъ какъ свѣтъ былъ глубиною въ аршинъ и наши тяжелыя повозки на низкихъ и грубыхъ саняхъ проѣзживали его, то

крестьяне запрягали семь лошадей, а позднѣе девять. Впереди тройки—дѣвѣ лошади съ верхоуымъ. Въ одной деревнѣ выборный распорядился запрячь намъ восемнадцать лошадей (станція была въ 35 верстѣхъ и дорога отвратительная), съ приказаніемъ остановиться на половинѣ, чтобы запрячь новыхъ. Онъ намѣренъ былъ самъ сѣсть на лошадь и сдѣлать тридцать пять верстѣхъ до сосѣдней станціи, чтобы устроить намъ это дѣло. Однако же, мы сказали ему, что хотимъ почевать на станціи и что ему нечего беспокоиться. На перелѣнѣхъ мы нашли 18 свѣжихъ лошадей; сверхъ того, четырехъ самыхъ крѣпкихъ лошадей взяли изъ подъ нашей повозки, чтобы запрячь ихъ въ другую повозку, транспортную, въ которой, такимъ образомъ, было запряжено 13 лошадей при трехъ верховыхъ. Это было самое странное зрѣлище и такъ какъ стадо лошадей путалось безъ конца, то мы приказали четырехъ изъ нихъ отпрячь. Если въ подорожной сказано, что она дана на тройку, то платятъ только за тройку, даже если крестьяне, вслѣдствіе затрудненій, представляемыхъ дорогою, считаютъ необходимымъ запрячь двѣнадцать. Въ Сибири платятъ за тройку по 15 коп. ассигн. за версту и 1 руб. 50 коп. за десять верстѣхъ. Если, вмѣсто трехъ лошадей, берешь девять, то цѣна дѣлается баснословною. Крестьянину—ямщику на водку не дается; тоже самое и верховымъ, которые, вообще, молодые мальчишки. Между тѣмъ, жители мѣстъ, отдаленныхъ отъ городовъ, доходили до драки за то, что бы вести насъ—такъ рѣдки деньги; впрочемъ, въ теченіи зимы, крестьянину некуда дѣвать своихъ лошадей. Лѣтомъ онъ обрабатываетъ извѣстное количество земли и косить сѣно, необходимое для своихъ нуждъ; но, будучи не въ состояніи ничего продать, зарабатываетъ что либо лошадыми. Каждый можетъ засѣвать кусокъ земли, какой ему угодно, и косить сѣно, гдѣ ему удобнѣе; вслѣдствіе этого, крестьяне держатъ много лошадей и другаго скота.

„Жизненные припасы считаются крестьяниномъ за ничто и онъ никогда не возьметъ платы за то, что съѣдятъ у него въ домѣ. Одна болтливая крестьянка, угощавшая насъ съ особеннымъ усердіемъ, весьма краснорѣчиво объяснила намъ значеніе плохихъ гравюръ на деревѣ, представлявшихъ различныя сцены изъ священной исторіи, и въ особенности значеніе своихъ образовъ. Когда мать ея выходила за мужъ, то ее благословили тогда образомъ, состоявшимъ тогда изъ множества складывавшихся частей.—У нея было пять дочерей и образъ долженъ былъ раздѣлиться между ними, такъ что у нашей хозяйки была только одна часть его. Мы знали, что эти добрые

люди не возьмутъ ничего за свое гостепріимство, но если кто хочетъ показать свою признательность, то долженъ положить вѣсколько конфектъ передъ образомъ, говоря, что это на свѣчи, и тогда рѣдко можно истрѣтить отказъ. Две (спутникъ Ганстеена) предложилъ женщинѣ небольшую серебряную монету на свѣчи; однакожъ она отвѣчала, что не хочетъ ею воспользоваться, и взяла ее только послѣ многихъ просьбъ. „Это дочери“, сказала она. Нильсенъ (слуга Ганстеена) рассказывалъ, что, войди случайно послѣ вѣсъ, онъ увидѣлъ, какъ она показывала монету сосѣдкѣ, рассказывая длинную исторію о томъ, какъ она ее приобрѣла.

„По пріѣздѣ въ деревню, прежде всего требуешь десятника, чтобы имѣть помѣщеніе и сторожа для экипажей. Здѣсь вѣтъ ни крытыхъ дворовъ, ни каретныхъ сараевъ, и какъ экипажи должны оставаться на ночь среди улицы, то цѣлая деревня отвѣтственна за всякую потерю; а потому гораздо удобнѣе охранять ихъ посредствомъ часовыхъ. Когда холодъ доходилъ до 27° или 30°, мы считали положеніе этихъ бѣдныхъ людей тяжелымъ; но они смѣялись надъ нимъ. Если холодъ становился очень рѣзкимъ, они зажигали на улицѣ костеръ березовыхъ дровъ и ложились на животъ, головою къ огню, калякая между собою, тогда какъ снѣгъ хрустѣлъ и скрипѣлъ подъ ногами; они не получаютъ даже на водку послѣ подобнаго караула, а если дашь имъ штофъ, то они очень довольны. Желѣзное здоровье сибирскихъ крестьянъ по истинѣ удивительно. Кромѣ рубашки и тонкихъ штановъ, они носятъ овчинную шубу шерстью внутрь; въ этой одеждѣ имъ ни по чемъ холодъ отъ тридцати до тридцати пяти градусовъ. Въ комнатахъ ихъ удушася жаръ, но они выходятъ изъ нихъ въ самые жестокіе морозы и возвращаются назадъ, не чувствуя отъ этого никакого вреда. Женщины, зимою и лѣтомъ, ходятъ въ однихъ холстинныхъ рубашкахъ и юбкахъ, босикомъ. Если надо оставаться на дворѣ вѣсколько времени, то онѣ навидываютъ мѣховую шубку и надѣваютъ башмаки; чтобы только пробѣжать, онѣ остаются въ томъ же самомъ костюмѣ, какъ и дома, и босикомъ прогуливаются по снѣгу.

„На пути къ Колывани, мы прибыли однажды въ вечеру къ хорошенькому крестьянскому домику, гдѣ все показывало извѣстное довольство. Большая постель была покрыта бѣлыми занавѣсами, только что прикрѣпленными къ потолку посредствомъ тонкихъ деревянныхъ жердочекъ. Комната была доволь-

но холодна и женщина отправилась за дровами; у ней была настоящая талия Юноны при хорошенькомъ личикѣ ребенка: отъ роду ей казалось не болѣе двадцати лѣтъ. Рубашка, которую я считалъ за единственную ея одежду, доходила у ней до шеи и была съ длинными рукавами по запястьѣ. Позднѣе я замѣтилъ, что на ней была также бѣлая юбка, стянутая у талии довольно широкимъ поясомъ; юбка была очень полна и собрана у пояса въ мелкія складки, такъ что ниспадала далеко отъ тѣла всякій разъ, какъ только молодая женщина наклонялась. Все на ней было бѣло, какъ снѣгъ, потому что былъ праздникъ. Двѣ помочи были застегнуты у пояса и на спинѣ и, соединяясь на груди, казались небольшимъ корсажемъ. Когда женщины работаютъ, то рукава, слишкомъ пышные, засучаются по локоть. Нашей хозяйкѣ представлялась часто необходимость быть за чѣмъ нибудь въ нашихъ комнатахъ—то, чтобы поправить огонь, то, чтобы узнать, не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь,—и она была такъ граціозна во всемъ, что на другой день, при нашемъ отъѣздѣ, я очень сожалѣлъ, будучи не въ состояніи сказать ей ни одного слова признательности. Даже наша прислуга, помѣщавшаяся въ хозяйской комнатѣ, была неистощима въ похвалахъ относительно ея доброты. Въ своемъ легкомъ костюмѣ, она перебѣгала по утру, босикомъ, черезъ большой дворъ, заваленный снѣгомъ, чтобы принести намъ дровъ и рябчиковъ изъ амбара.

„И это, конечно, была не единственная прелестная женщина, которую мы истрѣтили. Сибиряки считаются самымъ красивымъ народомъ въ Россіи и я, съ своей стороны, нахожу, что это совершенно справедливо. Это племя невинное, доброе, дѣтское, красивое, полное здраваго смысла, желѣзнаго здоровья, неимѣющее и тѣни той жидовской алчности, которою отличается русскій крестьянинъ европейскій, представляющее, на противъ, воплощенное гостепримство. Къ чему бы послужили деньги этимъ славнымъ людямъ? У нихъ столько земли, сколько хотятъ они воздѣлывать, и земля даетъ имъ одежду и пищу. Не имѣя по близости никакаго рынка, они не могутъ ни продать ничего, ни купить. Испорченность и утонченность городовъ имъ неизвѣстны. Они изысканно опрятны: ихъ комнаты въ буквальномъ смыслѣ выскоблены. Большими ножами они скоблятъ полы, перегородки, окна, скамьи и проч., которые, такимъ образомъ, всегда кажутся новыми. Отъ того—явленіе, сперва для меня необъяснимое: лавки, лѣстницы и т. п. съ волнообразными дорожками, красноватыми на древесныхъ жилкахъ, какъ будто

бы лѣсъ не былъ струганъ. Въ мѣстахъ, менѣе твердыхъ, ножъ проникаетъ глубже и когда дорожки однажды сдѣлана, то углубляется болѣе и болѣе отъ ежедневной чистки, точно поверхность зимней дороги, по которой часто ѣздятъ. Если они предпочитаютъ этотъ способъ мытья лѣстницъ и мебели, то это потому, что вода въ минуту застывала бы отъ слишкомъ большаго холода и что дерево покрывалось бы слоемъ льда, не сдѣлавшись чистымъ; а какъ семья спитъ въ той же самой комнатѣ, то вся эта сырость была бы нездорова для дѣтей, тѣмъ болѣе, что труба, послѣ того какъ печь истопилась по утру, остается закрытою цѣлый день, такъ что паръ не встрѣчаетъ исхода. Мужчины и женщины блистаютъ чистотою: съ бани, которая есть у каждаго хозяина, требуется давъ очень часто; по этому-то и видимъ вездѣ бѣлыя и свѣжія лица.

Что бы показать, какое впечатленіе произвела Бараба въ недавнее время на извѣстнаго нашего путешественника С. В. Максимова, привнесемъ слѣдующее мѣсто изъ книги его „На Востокъ“:

„Мы въѣхали въ гору крутымъ обрывистымъ оврагомъ: за горой раскинулась деревушка.

— Далеко ли у насъ тутъ Бараба—то? спрашиваю я.

— Да вотъ Бараба все и пойдетъ отъ нашей деревни. Мы ужъ въ стѣнѣ живемъ.

— Чѣмъ же ваша стѣня отличается отъ той, которую мы сейчасъ проѣхали передъ Иртышемъ?

— Ничѣмъ не отличается, да видишь ужъ такъ прозвали. Бараба; стало быть, и пошла отъ нашей деревни чуть—ди не до самаго Томска.

„Какъ бы то ни было, но вотъ и Барабинская стѣня—одна изъ тѣхъ стѣней, которыми вообще богата Россія, только эта—самая большая изъ нихъ, но едвали меньшие ихъ скучна, тоску наводящая. Уныло глядятъ чахлая деревня, рѣдко разставленная по сторонамъ, по большей части, сиротавымы кучками; но чѣмъ дальше въ стѣню, тѣмъ меньше этихъ деревъс-

ковъ. Большими, бесконечно длинными полосами легла прохваченная морозомъ и пожелтѣлая ковыль—трава, до которой можетъ быть отъ вѣковъ не касались коса и грабли. Иногда по годамъ проходятъ туи палы, при представленіи которыхъ у рѣдкаго сибирика не дрожитъ сердце; рѣдкой сибирякъ ихъ не любитъ. Быстро перебѣгаютъ эти лѣсные пожары съ одного мѣста на другое огненными змѣями и—говорятъ—поразительны по своей картинности и по опасности: иногда сгораютъ огромные годовые запасы сѣна, и иногда и (весьма нерѣдко) цѣлыя деревни.

Въ 1761 году приступлено было къ заселенію большаго почтоваго тракта по Барабинской степи на 600—верстномъ протяженіи. Только три форпоста до того времени служили станціями для курьеровъ, и по степи пролегалы чуть примѣтныя тропы. Въ четыре года сибирскій губернаторъ Чичеринъ—одинъ изъ энергическихъ и замѣчательныхъ администраторовъ этого отдаленнаго края—успѣлъ заселить степь и преимущественно тѣми помѣщичьими крестьянами, которые присылались сюда за развратное поведеніе, въ зачотъ рекрутъ. Въ эти четыре года они успѣли разчистить лѣса, построить дома, устроить мосты, гати, заготовить земледѣльческими орудіями, благодаря строгой дисциплинѣ и расправѣ съ сильными, о которыхъ еще много въ народной памяти свѣжихъ преданій. И вотъ черезъ столѣтъ, трудно уже наслѣдить примѣтные признаки новыхъ поселеній. Деревни людныя и длинныя; крѣпко—поддержанные дома и прочно—устроенныя хозяйства рѣзко бросаются въ глаза даже и при бѣгломъ обзорѣ, при такой быстрой вѣдѣ, по которую давно уже на цѣлую Россію прошла слава и пошла даже въ азбучныя картинки подъ названіемъ: „Сибирскій вѣдокъ.“ Еще до сихъ поръ съ честью поддерживаютъ эту славу барабинскіе „дружки,“ хотя уже и нѣтъ тѣхъ докучливыхъ криковъ и дракъ, съ какими нѣкогда выбѣгали они на дорогу, и каждый изъ поселенцевъ тащилъ проѣзжаго на свой дворъ.

Операція эта производится теперь гораздо проще, и для того, чтобы воспользоваться ея приложеніемъ, надо непременно съ почтоваго тракта свернуть на проселочный, „на дружковъ,“ какъ называютъ тамъ. Трактъ этотъ, по которому возятъ дружки, на 150 верстъ короче почтоваго. Выигрывая во времени, проѣзжіи лишены докучливыхъ формальностей и избавлены отъ неприятности видѣть самые тоскливые изъ тоскливейшихъ городовъ русскихъ и сибирскихъ, каковы: Ишимъ и Ялutorовскъ; даже казенный, форменный Омскъ, остается въ сторонѣ и не показывается.

Первый дружокъ, принимая проѣзжаго съ почтовой тройки, обыкновенно торгуется о количествѣ прогонъ и непременно на тройку; на нарѣ, сколько я могъ замѣтить, дружки ѣздить не любятъ. Торговля о цѣнѣ происходитъ не долго: сибирякъ сговорчивъ; въ переторжкѣ его нѣтъ того упорства, той досадной сдѣлки съ другими, которая московскихъ ямщиковъ, въ уговорахъ съ сѣдокомъ, доводитъ до упрямства, до остроты въ началѣ и даже до дерзкихъ словъ потомъ. У Рогожской и Крестовской заставъ проѣзжіе нерѣдко кончаютъ разговоры въ ямщичьихъ кружкахъ тѣмъ, что ведутъ ямщика въ полицію или тутъ же на мѣстѣ производить короткую расправу собственноручно. Тамъ ужъ какъ—то ямщики и привыкли къ этому. Мнѣ не разъ—къ крайней досадѣ—приводилось слышать отъ нихъ отвѣтъ на это такого сорта: „гдѣ дѣло идетъ объ деньгахъ, тамъ безъ крику, безъ драки—нельзя! Деньги—дѣло жаркое и шепотливое. Мнѣ меньше взять не хочется, сѣдоку дать больше не трафится: вотъ мы и сняемся, подеремся и поругаемся. А тотъ и ямщикъ—не ямщикъ, который на связъей не почевывалъ.“ Совсѣмъ не таковъ сибирскій дружокъ. Съ ямъ перекинешься двумя—тремя словами, и дѣло въ шляпѣ. Дружокъ даже слышать съ вами кончить сдѣлку, зналъ и какъ бы боялся, что вотъ—вотъ тотчасъ же изъ за угла вскочитъ его сосѣдъ, да не одинъ и не два, а цѣлый десятокъ, которые тотчасъ же пойдутъ съ нимъ на перебой, возмутъ дешевле и онъ не повезетъ. Главное дѣло, кажется, тутъ не въ томъ, чтобы взять дешевле, а именно въ томъ, чтобы самому вози, а не передавать этого дѣла въ чужія руки.

Кончивши дѣло такимъ образомъ съ однимъ, вы уже кончили въ тоже время дѣло со всей Барабой и остальнымъ трактомъ до Томска. У перваго дружка отличная тройка, но плохой экипажъ, какая—нибудь разбитая, мочалами связанная кошева и леговкѣя саночки; у него—неисправимое неполнозвеніе ѣхать вскачь и что называется—и въ хвостъ и въ гриву, на сколько хватить у лошадей духу и силы; и въ тоже время—рѣдко хорошо выѣзженная тройка. Большая часть лошадей бѣшеныя, какія—то угорѣлыя, непослушныя. Мнѣ всегда почти случалось садиться у крыльца въ сани въ то время, когда ворота на улицу были заперты, и тройку, сильно хрипѣвшую и рывшую ногами снѣгъ, держали двое—трое подъ узды. Ямщикъ бросался въ кошеву паскоро, иногда опрокидывался вверхъ ногами, оправлялся, обматывался вожжами. Отпирались ворота; сподручники отскакивали въ сторону, тройка бѣшено вырывалась на улицу; рѣдко успѣвалъ ямщикъ уснаравливать

ее вдоль улицы, прямо на выѣздъ; по большей части тройка налетала на сосѣдній домъ, въ ближайшія открытыя ворота, черезъ дворъ въ огорода: изъ огорода въ сосѣдній оврагъ, куда выкидывала и меня, и ямщика, и мои чемоданы и его теплую оленью или козулью даху. Такимъ образомъ случилось со мною два раза. Постройки и вся упряжь путалась, съ трудомъ управлялась; съ трудомъ лошади выводились на трактъ и на улицу, при помощи брата, сына ямщика, который откуда ни брался на помощь, размахивая руками и нещадно ругая и лошадей, и оврагъ, и сосѣда, который на бѣду растворилъ ворота: словно тотъ и не могъ этого — де сдѣлать послѣ. Полдороги потомъ лошади — мчали насъ вскачь, рѣдко по главному полотну дороги; большею частію по степнымъ кочкамъ и рытвинамъ: и только съ половины пути, усталыя и измученныя отъ собственно безразсудной рьяности, начинали вступать въ права настоящихъ развѣзжихъ лошадей, съ крупною и быстрою рысью.

— Отчего ваши лошади такія шальные? спрашивалъ я ба-
рабинскихъ ямщиковъ.

— Оттого, что степныя. Все они у насъ лѣто въ степи гу-
ляютъ на вольной волѣ, гдѣ хотятъ: оттого и сердитыя такія.

— Гдѣ же вы ихъ покупаете?

— У киргизъ покупаемъ, въ Петропавловскѣ, рублей пять-
десять на серебрѣ за самую ужъ наилучшую платимъ. Лошадку
киргизъ продасть, а уздечку ни за какія тысячи не отдасть.
На деньги онъ сговорчивъ; деньги ему любы, а лошадей у
киргиза довольно. Стени ихнія лучше нашихъ.

— Однако, если лошади ваши всё бѣшаныя, то и ѣзда съ
вами на охотника!

— Да вотъ на такого, какъ и ты же!

— Я другой разъ съ вами не поѣду.

— Поѣдешь братъ не рассказывай. Эдакъ — то вотъ толко-
валъ Красноярскій купецъ въ прошломъ году, когда ему Оум-
ка въ оврагѣ шею сломалъ, а нонче вотъ опять пробѣжалъ въ
Расею на нашихъ лошадакахъ. Кому дѣло къ спѣху — такіе за-
всегда съ нами: почтовые возять хуже, а степь — то наша вишь
она скучная кака!

Дѣйствительно скучная степь: убійственное однообразіе окрестностей, голня пространства, малая населенность, полное — *зимнее* отсутствіе всяческой жизни: все противъ васъ. Однообразіе степныхъ пространствъ сбивается даже до того, что ужъ если показалась впереди роща, послѣ долгой степной глади, за рощей этой непременно раскинется деревенька; и непременно — роща эта тщательно расчищена, деревенька неправильно разбросана, улица кривая и узенькая; дома крѣпко поддержанные, и опять — таки непременно ямщикъ везетъ къ своему дружку. Тамъ въ четверть, много въ полчаса, запрягутъ лошадей, дружка стараго усадятъ чай пить, накормятъ за дружбу и побратимство всякою съѣтной благодатью, въ которой замѣчается изумительное обиліе. Въ Филиппово заговѣнье я увидѣлъ у нихъ за ужиномъ плшку съ бараниной, другую — съ поросенкомъ; жирныя щи со свиной, пироги съ рыбой, безсмертныя пельмени, на всемъ тракѣ отъ Екатеринбургa, и вѣчный, почти безсмысленный чай, чай въ тѣхъ неистовыхъ размѣрахъ, съ какими услаждаются этимъ китайскимъ напиткомъ одни только московскіе купцы въ трактирахъ и ресторацияхъ на Никольской улицѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Съ избыткомъ живутъ барабинскіе поселенцы и рѣдко можно встрѣчать такой достатокъ въ другихъ мѣстахъ Россіи и Сибири.

Остальныя впечатлѣнія Барабинской степи начтожны и утомительны: всегдашніе длинные обозы съ мѣстами чаю; всегда распущенные несвязанные возы: лошади въ разбродку по всемъ мѣстамъ, гдѣ только можно проѣхать встрѣчному. Валить въ снѣгъ ваши сани, вашу тройку, летитъ ямщикъ вашъ, летите въ сугробы вы сами; перебраниваются извозчики съ ямщиками и все одно и то же по нѣсколько разъ въ день. И опять „становокъ“, и опять вы въ чистенькой, теплой избѣ дружка ямщика вашего. Къ другому васъ не повезутъ, да другіе уже и не выбѣгаютъ. Иногда робко, изъ подтишка подойдетъ къ кошевѣ вашей, когда вы въ ней одни сидите, какойнибудь молодецъ въ дахѣ или полущубкѣ и спроситъ:

—Почемъ вы за тройку платите?

—По три копѣйки серебромъ согласились.

—А мы бы и по двѣ копѣечки взяли съ твоей милоистда и лошадей — то бы получше впрягли, не такихъ одровъ.

Да тѣмъ и удовольствуется, и отойдетъ, положи напра,

сливу на своего сосѣда,—можетъ быть во всѣхъ другихъ случаяхъ его закадычнаго пріятеля. У новаго ямщика вашего такія же хорошія лошади изъ степей, отъ киргизовъ, онъ и самъ такой мастеръ и охотникъ быстро ѣздить, какъ и всѣ прежніе. Не даромъ же про нихъ про всѣхъ идетъ такая слава; не даромъ же ихъ считали долгое время (а многіе и до сихъ поръ) потомками коренныхъ русскихъ ямщиковъ: московскихъ, тверскихъ и новгородскихъ. Хуже лошади становятся по Барабѣ послѣ того, какъ мелькнетъ мимо васъ печальнѣйшій городъ Тюкала, а особенно когда пройдете городъ Колывань, городъ безъ крышъ, безпорядочно разбросанный, вновь строящійся на новомъ мѣстѣ и упраздненный, исключенный изъ числа (уѣздныхъ) окружныхъ городовъ Томской губерніи.

И снова остальные впечатлѣнія сбиваются на одно: на безконечные возы съ чаемъ, на желтые домики этановъ въ каждомъ селеніи, домики холодные, отапливаемые только въ назначенный день прихода кандалной партіи. (*) Изрѣда разнообразить впечатлѣнія и самая эта кандалная партія: но ужъ лучше, если бы она и не разнообразила. Медленнымъ шагомъ, побрякивая цѣпями, тянется она во всю длину селенія и мучительно—тоскливымъ голосомъ поетъ свою такъ называемую „милосердную,“ и выбѣгаетъ на цѣсю эту народъ изъ домовъ, и тянутся руки туземцевъ съ подаяніемъ грошика, сомитки, куска пирога, чорнаго хлѣба. Партію угоняютъ въ острогъ и запрутъ тамъ. Черезъ часъ пойдетъ по селенію одинъ изъ кандалныхъ—артельный староста—за новымъ, одиночнымъ сборомъ. На третій—на четвертый день обгоняете вы новую партію, впереди которой на отдѣльной въ одну лошадку мелькнетъ мимо васъ этапный офицеръ: онъ только обогналъ партію, но не отошелъ отъ нея, вѣрно служа свою трудную, безокоиную и опасную службу.

(*) Теперь, съ развитіемъ параводства по Оби, большая часть товаровъ, доставлявшихся прежде сухопутно по Барабѣ, сплавляется водою по Иртышу и Оби; тоже должно сказать и объ арестантахъ. На пространствѣ Каннской Барабы осталось только три этапа для препровожденія такъ называемыхъ *обратныхъ* арестантовъ. Но бѣглецы и бродяги, о которыхъ г. Максимовъ упоминаетъ далѣе, и теперь весьма часто попадаютъ по Барабѣ, направляясь въ Россію преимущественно изъ Восточной Сибири.

—А не бѣгутъ они изъ партіи, не вводятъ въ отвѣтъ офицера?—спрашивалъ и у ямщиковъ: и отъ всѣхъ получалъ одинъ отвѣтъ:

—Да вѣдь они на сдѣлкѣ съ нимъ. Хорошо—де будешь, и все станешь отдавать намъ по положенію, тебѣ же поможемъ. Было разъ такъ что трое бѣжали, а офицеръ—отъ хорошей былъ, любили его. „Позволь—сказали—ваше благородіе: мы ихъ сами поймаемъ!“ отпустилъ—согласился. Два дня проходили, на третій и сами пришли и бѣглыхъ привели. Они вѣдь каторжные—то смиры, когда въ кандалахъ идутъ.

—Да вѣдь бѣгутъ же они, бѣгаютъ часто? §

—А ужъ это съ мѣстовъ бѣгутъ, гдѣ ихъ посадятъ; изъ заводовъ бѣгутъ, а изъ кандалной партіи это рѣдко бываетъ. Вотъ начнетъ весна обогрѣвать землю—жди гостей.

—И они для васъ не опасны, вы не боитесь ихъ?

—Смирной народъ: его только не трогай, а онъ тебя не тронетъ; ты его только на родину—то пропусти: ее—то ему подай, объ ней—то у него и забота. Мы вотъ лѣтомъ—то на страду ходимъ, такъ на оконцѣ (на палочкѣ на такой) и хлѣбца выставляемъ, и молочка, и пирожка. Вернемся домой: все съѣдено—значить *варнаки* были. А и въ избу зайдемъ: все на мѣстѣ, ничега не переворошено. Большими же они артелями бѣгаютъ, человекъ по тридцати и больше.

—И вы ихъ не ловите?

—А вотъ стануть холода заворачивать, онъ самъ на заводъ придетъ, бери его руками. Одеженка у него—значить—поизмызгалася, холода—то сибирскіе—дѣло не слишкомъ привычное, ну да и нагулялся. Возьмутъ его—постегаютъ; а къ веснѣ—онъ опять уйдетъ, по осени—онъ опять придетъ. Много есть и такихъ, очень много. Да вонъ мужичонко сторопой идетъ—видишь?

Ямщикъ показалъ на окраину дороги. Я увидѣлъ мужика съ котомкой за плечами, въ рваномъ полушубкѣ. Онъ шолъ смѣло и не смотрѣлъ на насъ, какъ будто даже ему проѣзжіи—дѣло привычное. Шолъ онъ медленнымъ, спокойнымъ шагомъ. —Какую ты мнѣ поруку дашь?—спрашивалъ меня ямщикъ, какую поруку дашь, что не варнакъ это. Спроси у него пачпортъ—не отыщешь. А бредетъ вотъ онъ себѣ—и Христось съ нимъ!

— А гдѣ оиъ полушубокъ—то себѣ взялъ?

— Да стащилъ, поди, гдѣ. Не безъ того!

— Такъ вотъ видишь же, не всѣ они такіе хорошіе, какъ ты рассказывалъ мнѣ.

— Ну да всякіе же, всякіе живутъ. Такъ вѣдь и оиъ тебѣ тоже молвить надо: на то человѣку и глаза въ лобъ ввинчены, чтобы всякой за своимъ добромъ глядѣлъ, не отдавалъ бы добра своего лихому человѣку. По пословицѣ: плохо лежитъ—вору корысть.

Однако же, справедливость требуетъ сказать, что если бы Гавстеенъ и Максимовъ проѣзжали по Барабѣ лѣтомъ, особенно во время развитія Сибирской язвы, то она, конечно, показалась бы имъ одною изъ самыхъ худшихъ мѣстностей въ цѣлой Томской губерніи.

На протяженіи Барабинской степи расположено 9 волостей и 7 инородныхъ управъ: Верхне—Омская и Вознесенская волости лежатъ къ западу отъ Каниска; Усть—Тартасская и Покровская—къ сѣверо—западу; Нижне—Каннская—къ юго—западу, Казанская и Верхне—Каннская къ югу; Убинская и Иткульская—къ сѣверо—востоку; инородныя управы: Тунусская, Турджанская, Любейская, Каргалинская, Барабинская, Чейская и Теренинская—къ сѣверо—востоку отъ Каниска, въ предѣлахъ урмана и въ самомъ урманѣ. Большая дорога, на которой находятся селенія Иткульской и Убинской волостей, лежитъ по самой низменной и болотистой мѣстности. Незвѣстно, что за цѣль была прокладывать на непроходимыхъ мѣстахъ дорогу, починка которой уноситъ у жителей большую часть времени и поддѣргаетъ жизнь ихъ опасности отъ многихъ болѣзней, тогда какъ удобнѣе было провести большую дорогу отъ г. Каниска, чрезъ Верхне—Каннскую волость, по Барнаульскому обрѣгу, гдѣ мѣстность сухая, возвышенная и здоровая. Селенія Иткульской и Убинской волостей окружены топками, илстыми болотами и озерами, вмѣстами перѣдко горько—соленую воду, которую несчастные жители должны продовольствоваться по врежя лѣтнихъ жаровъ, когда свирѣпствуетъ сибирская язва или весьма злокачественныя анхорадки. Тогда Бараба представляетъ самую печальную картину. Жители, находясь каждую минуту подъ страхомъ пасть жертвою той или другой болѣзни, принуждены

испытывать всё неприятности мѣстныхъ условий. Съ наступленіемъ жаровъ, степь бываетъ покрыта мглою. Лѣса недостаточны для того, чтобы очистить воздухъ и произвести въ немъ движеніе. Въ воздухѣ царствуетъ мертвенная неподвижность; гніющія болота испаряютъ смрадный запахъ, дѣлающійся еще душливѣе и зловоннѣе отъ гніенія труповъ скота, павшаго отъ Сибирской язвы, часто не зарытаго и разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ. Отъ этого, почва, вода, растительность и воздухъ, пропитавшись зловредными миазмами, служатъ источникомъ развѣтія болѣзней какъ на людяхъ, такъ на животныхъ,—къ чему способствуютъ также появленіе паутовъ и всякаго гнуса, опаснаго во время эпидеміи—Сибирской язвы. Лай собакъ по почамъ и вой волковъ надъ трупами павшаго скота—пополняютъ обстановку печальной картины и наводятъ панической страхъ на жителей.

Обратимъ теперь вниманіе на болѣе замѣчательныя мѣста Барабы. Ихъ немного, а именно: селенія Вознесенское, Спасское и Покровское и города Каинскъ и Колывань.

Село Вознесенское раскинуто на берегу р. Оми, по большому сибирскому тракту, между Омскомъ и Каинскомъ, въ 132 в. отъ послѣдняго. Народонаселеніе его простирается до 1250 д. об. п. Промышленность, торговля и производительная дѣятельность Вознесенскихъ жителей не завидны: скотоводство, извозничество и частію рыбопромышленность въ небольшихъ размѣрахъ—вотъ и все. Но село оживаетъ въ исходѣ Мая и первыхъ числахъ Іюня мѣсяца. Здѣсь въ это время начинается ярмарка. По дорогѣ изъ Каинска и Омска тянутся обозы, скачутъ повозки, катятся крестьянскія телеги—всѣ спѣшатъ въ Вознесенское. Сюда съѣзжаются торговцы не только изъ сибирскихъ городовъ и селеній, но даже изъ нѣкоторыхъ российскихъ губерній. Что касается до Каинска, то изъ него ѣдутъ сюда всѣ, кто только имѣетъ къ тому возможность,—одни по дѣламъ, другіе для покупокъ и продажи, третьи такъ людей посмострѣть и себя показать. Всѣ питейныя заведенія села наполняются народомъ и безъ умолку звучатъ подлѣ нихъ заунывные и плясовыя русскія пѣсни.

Ярмарка въ селѣ Вознесенскомъ существуетъ съ 1836 г. Она учреждена по желанію крестьянъ Верхне—Омской и Вознесенской волостей. По времени учрежденія, это была первая

ярмарка въ Каинскомъ округѣ и одна изъ первыхъ въ губерніи. Поводомъ къ учрежденію ея было то, что въ девятую пятницу послѣ пасхи существовалъ крестьянскій ходъ изъ села Вознесенскаго къ находящейся въ 10 верстахъ отъ него часовнѣ, на которой стекалось изъ разныхъ мѣстъ до 5-т. человекъ народу, съѣзжались торгующіе и затѣмъ самъ собою образовался торжокъ. Торгующихъ пріѣзжало до 100 человекъ съ краснымъ товаромъ, желѣзными, чугунными и кожевенными издѣліями, холстомъ, сухой рыбой и проч., всего на 44-т. руб. ассигн. Открытіе ярмарки разрѣшено по журналу Совѣта Главнаго Управленія Западной Сибири 26 Февраля 1835 г.—Срокъ ярмарки назначенъ на одну недѣлю, съ девятой пятницы послѣ пасхи; но, по мѣстнымъ соображеніямъ, онъ давно уже измѣнился. Нынѣ она существуетъ не въ теченіи недѣли отъ девятой пятницы, а начинается во вторникъ или среду предъ девятой и оканчивается въ воскресенье послѣ девятой. Настоящимъ окончаніемъ ея должно, впрочемъ, считать самый день девятой пятницы, когда большая часть крестьянъ, послѣ крестьянскаго хода отъ села къ часовнѣ, разѣзжается по домамъ.

Выборъ товаровъ на ярмаркѣ довольно разнообразенъ, Сюда привозятся: желѣзные, чугунные и крестьянскія издѣлія. кожевенный, шелковый, бумажный и разный мелочный товаръ, чай, сахаръ, масло коровье, рыба сушеная—караси, щуки, язи, чебаки; лошади, деготь, смола, медъ, посуда разная, галантерейныя вещи, стеклянныя издѣлія, ружья, дубленныя шубы и полшубки, мѣха бѣличья и горностаевые и хлѣбъ. Важнѣйшими предметами ярмарочной торговли можно считать желѣзные, чугунные, шелковыя, бумажныя издѣлія, чай, сахаръ, рыбу сушеную и масло. Мѣстныя издѣлія и сырые продукты сбываются безъ остатка. Приблизительно денежный оборотъ ярмарки простирается до 115-т. руб.

Привозные товары размѣщаются частію въ лавкахъ гостиваго двора, которыя отдаются въ наемъ сельскимъ обществомъ, частію по улицамъ села, въ особо устраиваемыхъ для этого палаткахъ; нѣкоторыя же, наконецъ, на прим. желѣзо, кожи, рыба и проч., просто на возахъ среди улицы. Общественныя лавки приносятъ дохода до 200 руб. въ годъ.

Село Стасское, также на большой дорогѣ, находится при р. Тартасѣ въ 110 верстахъ отъ Каинска. Въ немъ до 1050 д. об. п. и оно высматриваетъ небольшимъ городкомъ, хотя этотъ

городокъ такой же кривой и грязный, какъ всѣ маленькіе городки обширной Сибири. Здѣсь существуютъ двѣ ярмарки; они учреждены не такъ давно, но одна изъ нихъ, Михайловская, общается со временемъ сильно развиться. Время для нея выбрано самое удобное: начало Ноября (она продолжается съ 8 по 16 Нолбря), когда начинается забойка скота и устанавливается зимняя дорога, когда крестьянамъ нужно сбыть свои произведенія и запастись разными предметами на зиму. Сюда съѣзжается до 1500 человекъ и привозится товаровъ на 9-т. руб. Товары почти тѣже, что и на Вознесенской ярмаркѣ.

Село Покровское, при р. Ичѣ, въ 73 в. отъ Каинска, на большой дорогѣ. Здѣсь находится богадѣльня для ссыльно—поселенцевъ и училище. Богадѣльня открыта съ 1853 г. и помѣщается въ двухъ, купленныхъ у крестьянъ домахъ. Поляный комплектъ богадѣльщиковъ положенъ 20 человекъ; но ихъ рѣдко бываетъ столько. Все это такіе старики, что и по міру ходить не въ силахъ. Училище здѣсь, какъ и въ селѣ Вознесенскомъ, существуетъ съ 1857 г. И въ томъ и въ другомъ обучается постоянно до 20 мальчиковъ. Крестьяне здѣсь не всѣ охотно отдають въ училище своихъ дѣтей: они какъ—то не свыклись еще съ необходимостью грамотности. Наставниками въ училищахъ—мѣстные священники.—Въ селѣ Покровскомъ существуетъ также небольшая ярмарка съ 1 по 4 Ноября. Обыкновенно торгующіе ѣдутъ съ этой ярмарки прямо на Спасскую.

Городъ Каинскъ находится подъ 55°27' с. ш и 95°57' в. д., въ 524 в. отъ Томска, въ 3691 в. отъ Петербурга и въ 3014 в. отъ Москвы, на лѣвомъ берегу Оми, при рч. Каинкѣ. Мы уже упомянули, что основаніе его относится къ 1722 г., именно въ этомъ году, въ небольшомъ разстояніи отъ нынѣшняго города, было построено небольшое укрѣпленіе подъ названіемъ Каинскій Пасъ. Около него былъ ровъ и валъ; гарнизонъ состоялъ изъ нѣсколькихъ казаковъ. Около укрѣпленія скоро возникла слобода. До 1750 г. это укрѣпленіе служило для защиты Барабинскихъ Татаръ отъ нападеній Киргизовъ и Калмыковъ; но, съ учрежденіемъ новой линіи, оно сдѣлалось ненужнымъ и потому упразднено, а находившаяся здѣсь артиллерія переведена въ Війскую крѣпость. Въ 1772 г. образовавшаяся около укрѣпленія слобода, населеніе которой увеличилось припискою въ крестьяне служившихъ въ укрѣпленіи казаковъ, перенесена на нынѣшнее мѣсто города. Въ 1771 г., по свидѣтельству Фалька, въ Каинской слободѣ и двухъ принадлежав-

шихъ къ ней деревняхъ было 386 дворовъ и 2884 души обоого пола. Въ 1782 г., при учрежденіи Тобольскаго Намѣстничества, Каинская слобода, по мѣстнымъ удобствамъ, сдѣлана уѣзднымъ городомъ Томской области, а въ 1784 г. этому городу данъ особый гербъ. Въ 1779 г. было открыто Колыванское Намѣстничество и Каинскъ былъ причисленъ къ его составу; но 2 Ноября 1797 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи Колыванской губерніи, съ тѣмъ, чтобы окружность ея была приписана къ тѣмъ мѣстамъ, къ которымъ она принадлежала до 1779 г. Въслѣдствіе этого, Тобольскій Гражданскій Губернаторъ Толстой предназначилъ городъ Каинскъ уничтожить, а округъ его приписать къ Томскому. Но въ 1804 г. послѣдовало вновь распоряженіе о приведеніи Каинска въ то положеніе, въ какомъ онъ былъ до 1797 г., и о назначеніи его уѣзднымъ городомъ Томской губерніи.—Въ этомъ же положеніи оставленъ онъ и въ 1822 г., когда послѣдовало новое образованіе Сибирскихъ губерній и областей.

Положеніе Каинска—обширное, низменная равнина. Взорамъ путешественника, особенно ѣдущаго изъ глубины Сибири, съ высоты холма, покрытаго лѣсомъ (Савкина грива), открывается незатѣйливая панорама Каинска. Золоченный крестъ бѣлой каменной церкви возвышается почти посреди города; вдали на лѣво виднѣется группа деревьевъ, а между ними мелькаютъ бѣлыя стѣны не большой деревянной церкви—это Каинское кладбище; вправо—желтое зданіе городской больницы—вотъ издали наружность Каинска. Вблизи городъ тоже непривлекателенъ. Рядъ маленькихъ домиковъ выводитъ васъ на площадь, которая лѣтомъ покрыта бассейнами грязной воды, съ купающимися въ ней гусями и зеленою травкою; зимой она заваливается, обыкновенно, горами сѣнга съ навозомъ, который вывозятъ сюда обыватели, очищая свои дворы. Здѣсь же устраивается сѣнной базаръ. Улицы, выходящія на площадь, далеко незавидны, хотя правильны и довольно широки. Вообще городъ довольно дурно отстроены.

Жителей въ Каинскѣ 2972 д. м. п. и 2544 ж. п.; изъ нихъ православныхъ 2676 м. и 2332 ж., раскольниковъ 68 м. и 52 ж., католиковъ 46 м. и 34 ж., евреевъ 182 м. и 126 ж. Домовъ деревянныхъ 360, каменныхъ 1; церковей православныхъ каменная 1 и деревянная 1; еврейскихъ молитвенныхъ домовъ 2. Вообще, евреи составляютъ здѣсь значительную часть населенія. Они или ссыльные или дѣти ссыльныхъ за контрабанду съ западно—европейской границы.

Заводская и ремесленная промышленность Каинска незначительна и простирается не болѣе, какъ на 15-т. въ годъ. Впрочемъ, она не только удовлетворяетъ мѣстныя потребности города, но сбываетъ свои произведенія и въ округъ.

Торговая дѣятельность Каинскихъ жителей ограничивается Каинскимъ округомъ. Прикащики—довѣренные купцовъ торгуютъ, путешествуя по округу съ товарами. Въ самомъ городѣ находится 25 частныхъ купеческихъ лавокъ и 27 общественныхъ гостиницаго двора. Одинъ разъ въ недѣлю на площади передъ гостиницъ дворомъ устраивается базаръ, на который съѣзжаются жители окрестныхъ селъ и деревень и привозятъ различные жизненные продукты. Кромѣ того, съ 8 по 13 Ноября въ Каинскѣ бываетъ ярмарка, подъ названіемъ Михайловской. На эту ярмарку привозится товаровъ на 140-т. руб., изъ которыхъ продается на 105-т. руб. Стеченіе народа бываетъ только изъ окрестныхъ мѣстъ, а требованіе ограничивается преимущественно желѣзными, мѣдными и деревянными издѣліями, шелковыми и бумажными товарами, сукномъ, полотномъ, чаемъ, сахаромъ, готовымъ платьемъ, мѣхами бѣличьими, горностаевыми и волчьими, кожами и коженными издѣліями. Крестьяне привозятъ сюда хлѣбъ, сухую и соленую рыбу, медъ, сало, масло коровье и т. п.

Городской доходъ Каинска простирается до 3600 руб., который и расходуется весь.

Въ Каинскѣ есть мужскія уѣздное и приходское училища; женское училище 2-го разряда; богадѣльня, городская больница и военный лазаретъ.

Городъ Колывань, подъ именемъ Чаусскаго острога, основанъ, какъ сказано уже выше, въ 1713 году. Онъ находится въ 216 в. къ ю—з отъ Томска, въ долину р. Оби, на рѣчкѣ Чаусѣ, подъ 55°21' с. ш. и 100°26' в. д. Фалькъ говоритъ, что въ его время въ Чаусскомъ острогѣ было деревянное укрѣпленіе съ шестью башнями, церковь и очень ветхіе соляные и хлѣбные магазины. По церковнымъ книгамъ 1771 г. къ нему было приписано 285 д. оровъ и 3701 д. крестьянъ обоюго пола. Палласъ замѣчаетъ, что въ то время здѣсь находился приставленный отъ Барнаульской Канцеляріи офицеръ, отирававшій должность уѣзднаго Комисара, который надсматривалъ за приписанными къ заводамъ крестьянами, жившими въ сосѣднихъ

мѣстахъ, и разбиралъ ихъ тяжбы. Въ 1822 г. Чаусскій острогъ переименованъ былъ въ городъ Колывань и назначенъ губернскимъ городомъ Томской губерніи.—Однакоже, это признано было вскорѣ неудобнымъ и въ 1823 г. онъ оставленъ уѣзднымъ городомъ этой губерніи, а въ 1856 г. безъуѣзднымъ. При этомъ жителямъ дозволено переселиться на болѣе удобное мѣсто, на горѣ, такъ какъ низменное положеніе прежняго города было неудобно по случаю ежегоднаго затопленія водами р. Оби.

Нынѣ въ Колывани считается до 1744 м. п. и 1860 ж.; изъ нихъ православныхъ 1732 м и 1854 ж.; деревянныхъ домовъ 430, каменныхъ 2 и одна каменная церковь. Главныя занятія здѣсь—сельскіе промыслы—земледѣліе, скотоводство, отчасти пчеловодство, но главнымъ образомъ рыболовство въ Оби и въ озерахъ, лежащихъ по близости города. Впрочемъ, на уменьшеніе улова рыбы слышатся постоянныя жалобы. Мѣстные жители приписываютъ это пароходству по Оби, такъ какъ мимо Колывани нѣсколько разъ въ лѣто совершаютъ рейсы пароходы, буксируя хлѣбъ, казенную и частную соль и мѣдъ, отправляемую въ Ирбитъ изъ Сузунскаго завода, принадлежащаго Алтайскому Горному вѣдомству. Фабрикъ и заводовъ здѣсь не существуетъ.

Въ Колывани учреждена съ 24 Ноября по 9 Декабря ярмарка, подъ названіемъ Екатерининской. На эту ярмарку привозится ежегодно сельскихъ произведеній на 50-т. руб. сереб., изъ которыхъ продается до 9-т.

Городскіе доходы не превышаютъ 1800 руб., такъ что едва въ состояніи покрыть расходы.

III.

Населеніе Каинской Барабы, за исключеніемъ городовъ Каинска и Колывани, простирается до 52,500 д. м. п. и 51,277 д. ж. п., итого 103,777 д. о. п., такъ что на каждую квадратную милю приходится 74,6 и на каждую кв. версту 1,5. Процентное содержаніе этого населенія къ населенію всей губерніи (817,163) равняется 12,70.

Составъ населенія по вѣроисповѣданіямъ распадается на слѣдующія группы:

Православнаго исповѣданія	-	-	94,146 д. о. п.
Единовѣрческаго	-	-	897

Раскольниковъ	-	-	-	-	706
Римско-католическаго	-	-	-	-	2,387
Протестантскаго	-	-	-	-	4
Еврейскаго	-	-	-	-	1,077
Магометанскаго	-	-	-	-	4,560

Составъ же его по сословіямъ слѣдующій:

Духовенства	-	-	-	-	270	д. м. п.
Дворянъ и чиновниковъ	-	-	-	-	241	
Потомственныхъ и личныхъ гражданъ и купцовъ	-	-	-	-	112	
Мѣщанъ	-	-	-	-	1.243	
Крестьянъ и проч. сельскихъ сословій					39,356	
Отставныхъ нижнихъ чиновъ	-	-	-	-	1,781	
Безрочно—отпускныхъ	-	-	-	-	439	
Пнородцевъ	-	-	-	-	2,275	
Регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ					580	
Прочихъ лицъ, невешедшихъ въ исчис- лennyй отдѣлъ	-	-	-	-	6,503	

Средніе десятилѣтніе выводы показываютъ, что среднее ежегодное число родившихся простирается до 4670, такъ что на 100 человѣкъ средней числительности населенія приходится 5,03; среднее ежегодное число умершихъ простирается до 2476, такъ что на 100 человѣкъ средней числительности населенія приходится 2,77; процентъ же средняго ежегоднаго приращенія населенія Барабы равенъ 2,26.

Въ этнографическомъ отношеніи все населеніе Барабы дѣлится на двѣ главнѣйшія группы—*Славянскую* и *Тюркскую*. Къ первой принадлежатъ: русскіе, малороссы и поляки; ко второй—татары.

Говоря о Славянской группѣ населенія, должно замѣтить, что въ составъ ея входятъ преимущественно крестьяне разныхъ наименованій, именно: крестьяне—старожилы, крестьяне—переселенцы изъ внутреннихъ губерній и крестьяне—водворенцы изъ польско литовскихъ губерній, и поселенцы, сосланные сюда за преступленія изъ разныхъ мѣстъ Россіи.—Такъ какъ общія отличительныя черты народностей, составляющихъ эту группу, болѣе или менѣе извѣстны, то мы ограничимся здѣсь только самой краткой характеристикой ея.

Подъ именемъ *крестьянъ—старожиловъ* должно разумѣть во первыхъ потомковъ тѣхъ Сибиряковъ разнаго званія, которые стали заселять Барабу съ самаго начала присоединенія этой мѣстности къ русскому государству, и во вторыхъ—потомковъ тѣхъ переселенцевъ, которые въ минувшемъ столѣтїи, особенно при Генераль—Губернаторѣ Чичеринѣ, были высланы сюда для заселенія дороги, проложенной между Тарою и Томскомъ. Въ настоящее время эти послѣдніе до того осибирячились, т. е. поживши между коренными Сибиряками и породнившись съ ними, приняли ихъ типъ, образъ жизни, права и обычаи, что въ нихъ весьма трудно подмѣтить даже малѣйшую черту, которая указывала бы на мѣстныя особенности прежней родины ихъ предковъ; короче, они стали такими же коренными Сибиряками, какъ и всѣ другіе коренные Сибиряки. Опытный наблюдатель, прїѣхавъ въ какое нибудь селеніе, сей—часъ же укажетъ всѣ дома, хозяева которыхъ крестьяне—старожила. При подобномъ домѣ съ улицы ведетъ на крыльцо лѣсенка въ три, четыре, пять и болѣе ступеней; крыльцо невелико и, примыкая одной стороною къ сѣнямъ, съ двухъ другихъ обшито тесомъ, а для того, чтобы оно было свѣтло, эта обшивка дѣлается съ прорѣзьями въ видѣ полумѣсяца или другой какой нибудь формы; довольно узкія сѣни, ведя съ крыльца, раздѣляютъ весь срубъ постройки на двѣ, большую частію, равныя части и оканчиваются дверью на задній дворъ; здѣсь, вмѣсто крыльца, чаще всего можно встрѣтить положенный наклонно деревянный обрубокъ съ вырубленными на немъ углубленіями вмѣсто ступеней; одна часть сруба называется собственно *избою* и служить какъ для приготовленія пищи, такъ и вообще для жилья семейства, другая часть носитъ названіе *горницы* и служить для принятія гостей во время праздниковъ и вообще въ случаяхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенной жизни; изъ сѣней же, близъ двери, ведущей на задній дворъ, устраивается лѣстница, а иногда ставится просто деревянный обрубокъ съ сдѣланными въ немъ ступенями для выхода на *вышку*, или чердакъ, гдѣ хранится разная домашняя мелочь; горница перегородкою раздѣляется на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ одна, большая, есть собственно горница, а другая, по меньше, казенка, гдѣ стоятъ сундуки хозяевъ съ лучшимъ платьемъ; перегородка, отдѣляющая горницу отъ казенки, обыкновенно примыкаетъ къ печи, зеркало которой выходитъ въ горницу, а топка находится въ казенкѣ; собственно изба составляетъ одну большую комнату, безъ всякихъ перегородокъ, иногда съ палатами около печи. Въ избѣ нѣтъ ни какихъ украшеній и даже излишнихъ удобствъ жизни; по стѣнамъ стоятъ широкія лавки, въ большомъ углу

передь образами столъ; стекла здѣсь замѣняютъ пузырь. За то горницу крестьянинъ—старожилъ старается украсить псевдо-возможнымъ образомъ. Собственно въ горницѣ почти неадѣ два или три створчатыхъ окна, кровать, покрытая одѣяломъ и задернутая занавѣсками, два—три стула и столъ, разныя картины сундальской гравировки и образа (иногда довольно замѣчательныя своею старинною живописью), между которыми непремѣнно находится положеніе въ гробъ Христа Спасителя. Всѣ стѣны выбѣлены или чисто на чисто вымыты водою и выскоблены ножемъ; на полу ни соринки. Таковъ, по большей части, домъ крестьянина—старожила средней руки. Хозяинъ этого дома называетъ себя преимущественно человекомъ „натуральнымъ“, въ отличіе отъ новосела и поселенца, людей „ненатуральныхъ“, не свикшихся съ мѣстностію, незнакомыхъ съ настоящими порядками. Большую часть года онъ въ отлучкѣ или за извозомъ, или на рыбалкѣ, или, наконецъ, просто уѣхалъ куда нубудь въ сосѣднее селеніе бражничать съ пріятелемъ. Но если вы найдете его дома, то онъ встрѣтитъ васъ одѣтый въ китайчатый халатъ или верблюжій азамъ, въ плюсовые шаровары и кунгурскіе сапоги. Онъ не поидетъ въ карманъ за словами и будетъ говорить съ вами очень угодно, покуривая изъ коротенькой трубки черкасскій табакъ, смѣшанный изъ экономіи съ корою тополя или ивы. Если онъ крестьянинъ зажиточный и желающій выиграть въ вашихъ глазахъ, то, какое бы ни было время вашего пріѣзда къ нему,—онъ велитъ дочери поставить самоваръ, а между тѣмъ, пока вы сидите и разговариваете въ горницѣ о разныхъ разностяхъ, входитъ хозяйка въ короткой мѣховой или ситцевой кофтѣ и дабовой юбкѣ, съ ситцевымъ платкомъ на головѣ, съ виномъ въ рукахъ.... Крестьянина—старожила укоряли и укоряютъ во многомъ дурномъ. „Этѣ озеро, говоритъ Степановъ, лежащее въ глуши кедровыхъ лѣсовъ, освѣщаемое иногда лучезарнымъ солнцемъ, иногда пріятнымъ свѣтомъ луны,—озеро тихое пустынное, но покрытое колючими сучьями ели, гнилое, испускающее душительный запахъ на большое отъ себя разстояніе,—прибѣжище всѣхъ пресмыкающихся гадинъ.“ Въ переводѣ съ языка поэтическаго на прозаическій, это означаетъ просто, что крестьянинъ старожилъ, подъ весьма приличной наружностью, скрытенъ, мстителенъ, развратенъ, лѣнивъ и корыстолюбивъ. Все это отчасти справедливо, но всѣ эти недостатки—продуктъ исторической жизни народа, которая бывала иногда куда какъ некрасива. При томъ же, указывая на дурныя стороны крестьянина—старожила, не должно забывать и хорошихъ: онъ гостепріименъ, смѣлъ въ опас-

постяхъ, далекъ отъ суевѣрія и всегда готовъ повиноваться начальству.

Крестьяне—переселенцы изъ внутреннихъ губерній представляютъ довольно рѣзкое отличіе отъ старожиловъ. Всѣ они носятъ еще отпечатки тѣхъ мѣстностей, откуда пришли, какъ въ одеждѣ, такъ и въ образѣ жизни; всѣ они еще не осибирячились, и это произойдетъ, можетъ быть, пераньше, какъ чрезъ два или три поколѣнія. Правда, они въ нравственномъ отноше- нии гораздо выше старожиловъ—откровенны до наивности, про- стодушны, по своему религіозны и примѣрно трудолюбивы. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти хорошія качества затемняются однимъ важнымъ недостаткомъ—крайнею неопытною, за что и слу- жать предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ со стороны старожи- ловъ—Отъ чего это они такіе веряхи? спросите вы крестьяни- на—старожила—„Да, вишь, Ваше Благородіе, еще не обнатури- лись.“—Какъ—же это,—въ три—четыре года пора бы обна- туриться,—замѣчаете вы.—„Природа такая,“ глубокомысленно замѣтитъ старожилъ.—Извѣстное дѣло: природа натуру всегда превозмогаетъ—еще глубокомысленнѣе прибавитъ другой. Кресть- яне—переселенцы стали особенно замѣтно селиться въ западной части Барабы съ 1853 г. Многіе изъ нихъ знакомы съ различ- ными мастерствами, какъ на прим. плотничнымъ, выдѣлкою кирпича и т. п. Но множество занятій, сопряженныхъ съ подво- реніемъ на новомъ мѣстѣ, отнимаетъ у нихъ все время, ко- торое они могли бы посвятить этимъ мастерствамъ. Въ настоя- щее время главное занятіе ихъ—хлѣбопашество, и часто бы- ваетъ, что крестьянинъ старожилъ покупаетъ полпуда хлѣба у крестьянина—переселенца.

Крестьяне—водворенцы изъ польско—литовскихъ губерній стали селиться, по распоряженію правительства, на Барабѣ, вскорѣ послѣ послѣднихъ событій въ Польшѣ. Многіе изъ нихъ и на прежнихъ мѣстахъ жительства были мало знакомы съ сельскимъ хозяйствомъ, проживая въ городахъ и занимаясь раз- личными ремеслами. Здѣсь такіе, на новыхъ мѣстахъ и при новыхъ условіяхъ жизни, подавно плохіе земледѣльцы. Не смо- три на то, что казна отпускала на водвореніе ихъ по 55 руб. сереб. на семейство, изъ нихъ немногіе успѣли еще обзавестись домами, да и едва ли обзаведутся когданибудь. Единственное средство ихъ существованія—мелкія ремесла, къ торымъ они за- вимаются, сбывая свои произведенія старожиламъ и пересе- ленцамъ.

Наконецъ, *поселенцы* составляютъ самую разнородную смѣсь населенія изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Сосланные сюда за преступленія, они и къ новому жительству рѣдко исправляются, но большею частію преданы тѣмъ же порочнымъ наклонностямъ, за которыя уже пострадали. Изъ нихъ немногіе имѣютъ свои дома и хозяйство; главная масса ихъ идетъ въ работы на золотые промысла.

Обратимся теперь къ Тюркской группѣ населенія Каинской Барабы — *Татарами*.

Барабинскіе Татары вообще роста средняго, тѣлосложенія здороваго, лицемъ смуглы, съ монгольскимъ очертаніемъ. Одежда ихъ и зимою и лѣтомъ у мужчинъ и женщинъ почти одинаковая, съ переменною только верхней одежды зимою на мѣховую. Татаринъ надѣваетъ длинную рубаху ниже колѣна съ широкими рукавами и столчимъ воротникомъ, а сверху халатъ или бешметъ, въ родѣ пальто; на ногахъ, обутыхъ въ чулки, — кожаные башмаки; на головѣ — аракинъ и небольшая шапка съ бобровымъ или выдровымъ околышемъ. Костюмъ женщины состоитъ изъ длинной, съ широкими рукавами, ситцевой, шелковой, или какойнибудь матеріи рубахи и широкихъ шальваръ. Воротъ рубахи обшитый золотымъ шкуркомъ и разрѣзанный вершковъ на 6 вышивается золотымъ позументомъ, или же обшивается серебряною монетою, смотря по состоянію. Сверху рубахи надѣвается бешметъ безъ рукавовъ и потомъ халатъ шелковый или бумажный. На голову надѣвается вышитая золотомъ повязка сверху бархатная шапочка съ околышемъ изъ золотаго галуна шириною вершка въ полтора; нижній край этого околыша и верхушка шапочки обшиваются кругомъ золотою бахромой. Зимняя шапочка того же покроя, нѣсколько по больше, съ мѣховымъ околышемъ, бобровымъ, выдровымъ или котиковымъ. Впрочемъ, этотъ нарядъ праздничный — принадлежность богато-Татарки. Бѣдняки же замѣняются украшеніями изъ олова, вылитыми въ разныя формы. Въ обыкновенное время всѣ Татарки носятъ на головѣ миткалевую или коленкоровую косынку въ видѣ равнобедреннаго трехугольника, имѣющаго основаніе или длинную сторону не менѣе 4 аршинъ; окутывая эвою косынку голову, всѣ три конца ея онѣ опускаютъ на затылокъ. Ноги обуваютъ въ сафьянные, пестрые чулки, на которые надѣваютъ *кабыль* (башмаки) съ каблуками безъ задниковъ; передки ихъ вышиваются золотомъ.

Татары живутъ въ обыкновенныхъ избахъ, которыя, за исключеніемъ порядочныхъ, вовсе не имѣютъ крышъ. Внутри— три стѣны заняты нарами вышиною отъ пола вершковъ 6 и шириною аршина 2, смотри по величинѣ комнаты; въ четвертомъ углу помѣщается чумаль или каминъ, въ видѣ столба съ широкимъ пьедесталомъ, изъ кирпича или изъ глины, безъ колодезь и вьюшки. Надъ нарами, близъ стѣнъ, къ потолку прибиваются изъ жердей вѣшалки для платя. Въ одномъ углу, на паракѣ, складываются, съ особеннымъ умѣньемъ, постели, подушки и одѣла. У каждаго почти хозяина во дворѣ сбитая русская печь безъ трубы, съ круглымъ верхомъ, для печенія хлѣбовъ. У нѣкоторыхъ она, въ маломъ размѣрѣ, устраивается близъ чумала, куда проводится труба отъ печи. Дрова въ чумаль кладутся стоймя, какъ и въ нашихъ каминахъ; зимою онъ топится почти цѣлый день. Пламя вылетаетъ и идетъ вмѣстѣ съ тепломъ прямо въ трубу, а дымъ въ избу. Передъ чумаломъ жара невыносимая, за то въ другомъ углу такой же невыносимый холодъ. Дымъ вѣстъ глаза. „Что вы не дѣлаете русскихъ печей? спросилъ въ Татарина. Смотрите, сколько у васъ дровъ идетъ, а все безъ толку.“— Правда твоя, бачка, дровъ втрое идетъ,— отвѣтитъ онъ. Русской печка не въ примѣръ лучше. Вотъ у васъ, кто побогаче, сдѣлалъ печка,—говоритъ, мало дровъ идетъ.— „За чѣмъ же вы всё не сдѣлаете?“— Бѣдность, бачка.— Вечеромъ, изъ всѣхъ трубъ вылетаетъ пламя и разсыпается по землянымъ, а у богатыхъ по деревяннымъ, крышамъ избъ; правда, оно вылетаетъ цѣлый день, но только вечеромъ замѣтите. „Вы когда вибудь всё сгорите, замѣчаете вы нашему золоту.— Смотрите, огонь такъ и сыплется.“— Я то же говорю, что сгоритъ, отѣтитъ онъ флегматически. „За чѣмъ же не передѣлаете печей?“— Бѣдность.—

Дѣйствительно, здѣшніе татары, разбросанные по всему пространству Барабы, весьма бѣдны, такъ что едва ли пять человекъ найдется зажиточныхъ. Если вы спросите о причинѣ этого бывалаго русскаго человѣка, то онъ объяснитъ вамъ это просто: „народъ лѣвивый—съ.“— Однако же, если вы станете его расспрашивать пристальнѣе, подробнѣе, то онъ, на вѣрное, поведетъ рѣчь слѣдующаго рода: „Признаться, всякіе случаи бывали. Какъ посадили ихъ въ осыдлые, (*) они и давай отби-

(*) Здѣшніе ивородцы перечислены изъ кочевыхъ въ осыдлые въ 1835 году.

ваться: хотѣлось, знаете, снова въ ясакъ поступить. Соберутъ тысячи двѣ и отправятъ въ городъ довѣреннаго, а онъ до долины употребить на ходатайство по дѣлу, остальные себѣ. А податей—то не платятъ: все думали, что ихъ на ясакъ обратятъ. Вздумали они въ Петербургъ къ Государю ходатая отправить; выбрали двоихъ,—продувные! дали имъ что—то много денегъ и отправили. Тѣ доѣхали до Казани, да тамъ и остались; а эти ждуть себѣ не дождутся царской милости. Вотъ такъ они маллись, да и обѣдѣли. А какъ стали съ нихъ недоимку за двадцать лѣтъ требовать, они и совсѣмъ пропали. А то, помилуйте, такой ли это народъ былъ; купцы были!—Богатѣйшіе люди—съ.“

Производительныя средства инородцевъ довольно значительны. Земли ихъ обширны и способны къ хлѣбонашеству и сѣнокосенію; на земляхъ барабинскихъ инородцевъ растетъ дубовый лѣсъ, который у окрестныхъ крестьянъ начинаетъ уже истощаться; лучшіе въ Сибири горностаи составляютъ исключительную принадлежность обитаемой инородцами мѣстности; въ сѣверной части Каинской Барабы инородцы могли бы имѣть звѣриный промыселъ, которымъ занимаются нынѣ ежегодно заходящіе сюда Остяки и Самоѣды Нарымскаго края; въ верховьѣ Тартаса, гдѣ живутъ нѣкоторые изъ инородцевъ, растетъ кедровый лѣсъ, рубка и силавъ котораго доставляютъ порядочную выгоду крестьянамъ и который, сверхъ того, можетъ служить источникомъ промысла орѣховъ; нѣкоторые озера изобилуютъ пиявками; наконецъ, живущіе близъ большой дороги, впрочемъ немногіе, инородцы, могли бы заниматься извозами. Но всѣ эти природныя богатства или остаются безъ всякаго употребленія, или не приносятъ надлежащей пользы.

Хлѣбонашество инородцевъ ничтожно и весьма немногіе сѣютъ хлѣбъ для продажи. Скотоводство также незначительно, хотя обиліе покосовъ и выгодность сбыта доставляютъ полную возможность къ большому его развитію. Лѣсъ и сѣнокосины мѣста продаются крестьянамъ за безцѣнокъ. Единственный, нѣсколько болѣе другихъ развитый, промыселъ состоитъ въ ловлѣ горностаевъ, способъ которой соответствуетъ обычной лѣности инородцевъ: стоитъ только поставить плашки и чрезъ нѣсколько дней осмотрѣть, не попалъ ли въ нихъ звѣрь. Другихъ промысловъ у инородцевъ нѣтъ, а о развитіи существующихъ они нисколько не заботятся.—Общественный бытъ инородцевъ также весьма способствуетъ увеличенію ихъ бѣдности. Населеніе, не-

достигающее 5-т. душъ обоюго пола, разсѣяно по всему пространству Каниской Барабы и почти совершенно теряется между русскимъ населеніемъ, болѣе численнымъ и болѣе предприимчивымъ.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ произвела то, что инородцы ввали въ неоплатные долги у русскихъ крестьянъ. Первые ежегодно забираютъ у послѣднихъ товары и деньги какъ для собственныхъ нуждъ, такъ и на подати, обявляясь платить эти долги личною работою, кожами, саломъ, горючими, отчасти хлѣбомъ, а также правомъ пользоваться покосами и лѣсомъ въ инородческихъ дачахъ. Все это уступается за половинную цѣну. Не выполнивъ однихъ обязательствъ и встрѣчая новую нужду въ деньгахъ, они дѣлаютъ новые долги, съ болѣе тягостными условіями, и такимъ образомъ постепенно доходятъ до состоянія неоплатныхъ должниковъ у крестьянъ и недоимщиковъ въ казенныхъ сборахъ.

Населеніе барабинскихъ Татаръ быстро уменьшается. Лѣтъ черезъ сто не останется и слѣда ихъ. Однако же, это исчезновеніе будетъ только видимое. Припомнимъ слова Дренера: „когда мелкое племя, смѣшиваясь съ другимъ многочисленнымъ, исчезаетъ безслѣдно, то это явленіе только видимое; въ сущности—мелкое племя не пропадаетъ, а только поглощается.“

Татары правомъ тихи и покорны, боятся обмана, страшась наказанія по Алкарапу, и развѣ только при необходимости и совершенной бѣдности рѣшаются на плутовство. Они исповѣдуютъ магометанство и муллы ихъ утверждаютъ въ своемъ званіи Оренбургскимъ Муфтіемъ. Главныхъ праздниковъ у нихъ два: первый—*ураза*, въ память изгнанія изъ рая Адама и Евы, начинается въ Іюнь и продолжается мѣсяць; второй—*курбанъ*, въ память жертвоприношенія Исаака, начинается въ 70 день послѣ перваго и продолжается 7 дней. Въ время праздника *ураза*, Татары постятся цѣлый день до заката солнца, а потомъ ѣдятъ и совершаютъ моленія. Тоже совершаютъ въ продолженіи 9 дней предъ праздникомъ *Курбанъ*, а въ самый праздникъ идутъ у нихъ большія угощенія, для чего зарѣзываютъ барана, лошадь или корову, смотря по состоянію. Во всѣ эти дни никто изъ нихъ не долженъ пить вина, курить и нюхать табакъ, но обязанъ каяться Богу во грѣхахъ черезъ Муллу, не открывая, впрочемъ, эти грѣхи поименно, что дѣлается, по закону, только передъ смертію. Въ первый день праздникомъ совершаетъ

ся моленіе 6 разъ въ день, а въ прочіе дни, такъ какъ и во все время года, по 5 разъ, предъ чѣмъ каждый разъ дѣлаются омогенія.—При рожденіи младенцевъ, мулла даетъ ими по желанію родителей. Въ это время дѣлается роскошное угощеніе, для котораго зарѣзывается быкъ или жеребенокъ, баранъ или корова. Обрѣзаніе совершается черезъ 2,5 и 12 лѣтъ, какъ пожелаетъ отецъ. Тутъ также бываетъ большой праздникъ: по состоянію,—игры, борьба или сѣганье въ запуски пѣшихъ и конныхъ, при чемъ болѣе отличившіеся получаютъ отъ хозяина награды.—Свадебные обряды—не многосложны. Къ родителямъ невѣсты посылаются сваты, и когда дѣло устраивается, то призывается мулла. Онъ спрашиваетъ невѣсту, хочетъ ли она идти за мужъ за такого—то? Получивъ согласіе, родители обѣихъ сторонъ приглашаютъ гостей и дѣлаютъ условіе, сколько женихъ дастъ калыма, когда онъ долженъ быть уплаченъ и когда должна быть справлена свадьба. Послѣ замужества, невѣста, до уплаты калыма, живетъ у своихъ родителей, но женихъ навѣщаетъ ее и вступаетъ во всѣ права мужа. По уплатѣ калыма, отъ 100 до 1000 руб. ассигн. деньгами, скотомъ и товаромъ, невѣста или жена переходитъ уже въ домъ мужа.—При погребеніи умершихъ, также совершаютъ принятые съ издавна обряды. Тѣло покойника, по смерти, обмываютъ и на мужчину надеваютъ три рубахи безъ рукавовъ, въ видѣ мѣшка, а на женщину семь. Первая рубаха до плечъ, другая въ ровень съ головою, остальные выше головы, длиннѣе одна другой, а снизу вровень съ ногами. Руки умершаго протягиваются по бокамъ. Призванный для погребенія Мулла, родственники и знакомые покойнаго садятся вокругъ тѣла и читаютъ молитвы, а потомъ кладутъ его на доску, называемую *табутъ*, и несутъ на кладбище, находящееся, обыкновенно, за деревнею. Здѣсь послѣ приличныхъ молитвъ, тѣло опускается въ могилу. Для мужчинъ могила выкапывается не такъ глубока, какъ для женщинъ; въ боку ея дѣлается углубленіе, въ видѣ пещеры, куда склоняются изъ могилы доски или палки, такъ что тѣло остается незащищеннымъ землею, и лежитъ на спинѣ, головою къ Меккѣ. Послѣ похоронъ въ теченіи трехъ дней справляются поминки, повторяемыя еще чрезъ 7, 40, 100 дней и чрезъ годъ. Последнія длятся два дня сряду. При всѣхъ поминкахъ непременно присутствуетъ Мулла. Плакать при погребеніи и поминкахъ роднымъ покойнаго дозволяется, но вѣтъ строго запрещено.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній вообще о хозяйствѣ жителей Каинской Барабы.

Пространство всей пахатной земли по Барабѣ можно приблизительно опредѣлить въ 72,160 десятинъ.

Среднее ежегодное количество посѣва простирается:

ржи	-	-	-	-	-	24,607 четвертей.
пшеницы	-	-	-	-	-	27,949 четв.
овса (*)	-	-	-	-	-	67,503 четв.

120,059 четв.

Среднее ежегодное количество произведений:

ржи	-	-	-	-	-	18,625 четвертей.
пшеницы	-	-	-	-	-	67,615 четв.
овса	-	-	-	-	-	205,707 четв.

351,947 четвертей.

Принимая въ соображеніе, что средняя численность сельскаго населенія Каинской Барабы простирается до 103,777 д. о. п., оказывается, что на каждую душу причитается разнаго рода хлѣба болѣе 3 четвертей.

Цифры посѣва и урожая, выведенныя за десять лѣтъ, съ 1861 г. да, показываютъ, что рожь родится по Барабѣ самъ 3,21, пшеница—2,41, овесъ—3,4.

Размѣръ производительности рѣзко выходилъ за предѣлы этихъ цифръ въ бывшій въ 1867 году отъ жаронъ, бездождія и холодовъ по ночамъ неурожай хлѣбныхъ продуктовъ, когда производительность ржи, пшеницы и проч. была отъ самъ 3 до самъ 1 и менѣе, и въ урожай 1868 г., когда производительность ржи доходила до самъ 7, а пшеницы и прочихъ продуктовъ до самъ 6; однако же, это колебаніе не было повсемѣстно и потому производительность хлѣбныхъ растений характеризуется болѣе приведенными выше средними выводами.

Вообще, хлѣбонашество находится въ удовлетворительномъ

(*) Сюда же включены ярица, ямень, гречиха, просо и горохъ.

состояніи преимущественно по волостямъ: Казанской, Усть-Тартасской, Вознесенской и Верхне-Омской. У жителей этихъ волостей, при хорошемъ урожаѣ, не только достаточно хлѣба на продовольствіе и посѣвы, но остается еще значительная часть для продажи. Впрочемъ, сбытъ ограничивается преимущественно мѣстными потребностями и особенно замѣчательныхъ хлѣбныхъ рынковъ здѣсь нѣтъ. Мука готовится на обыкновенныхъ вѣтряныхъ и отчасти водяныхъ мельницахъ, устроенныхъ на небольшихъ рѣчкахъ. Первыхъ считается 746, вторыхъ 107 и конныхъ мельницъ 23. Среднія цѣны въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ простирались приблизительно на четверть

ржи	-	-	отъ 3 р. 25 к. до 5 р. 50 к.
пшеницы	-		4 р. 20 к. до 7 р. 50 к.
овса	-		1 р. 50 к. до 3 р. 50 к.

Ленъ засѣвается только для домашняго обихода; конопли не засѣваются вовсе.

Такъ какъ узаконенною пропорціею земли надѣлены делеки не всѣ еще селенія, то по большей части всякій пашеть гдѣ ему вздумается, не стѣсняясь отдаленностью пахатнаго участка, отстоящаго иногда отъ селенія на 20—30 верстъ. Удобренія земли не бываетъ, да и трудно убѣдить крестьянина въ необходимости его; онъ непременно выскажетъ мысль, что здѣшняя земля жирна и удобренія не принимаетъ, а между тѣмъ, чрезъ 5 и много чрезъ 10 лѣтъ, истощивъ поле, переходитъ на другую землю. Такимъ образомъ, система хозяйства здѣсь *перемежная*. Оставленный участокъ обрабатывается снова не прежде, какъ укрѣпится отдыхомъ-чрезъ 10 и 15 лѣтъ.

Объ усовершенствованныхъ орудіяхъ для земледѣлія, въ особенности механическихъ и паровыхъ, здѣшніе хозяева не имѣютъ даже и понятія. При вспахиваніи поднимаютъ землю рѣдко болѣе, чѣмъ на 1½ вершка. Орудія, при этомъ употребляемыя, суть обыкновенная соха и небольшой двухъ колесный плугъ, называемый *оралкою*. Борова бываетъ съ желѣзными зубьями. Уборка хлѣба производится серпами и косами, замѣнявшими въ сѣнокошеніи прежде употреблявшіяся *горбуши*. Молотба производится обыкновенно цѣпами. У крестьянъ—старожиловъ въ ней участвуютъ

только мужчины, а у переселенцев—вмѣстѣ съ мужчинами и женщины.

Яровые сѣются въ началѣ весны, какъ только растаетъ снѣгъ и просохнетъ земля. Смотря по рослости зерна, употребляютъ на десятину овса отъ 14 до 20 пудовъ, ярицы отъ 12—13 п., ячменя 9—10, пшеницы 12—13. Посѣвъ озимовыхъ начинается въ Юль, послѣ Ильина дня, а иногда съ половины Августа, при чемъ употребляется тѣмъ меньше сѣмянъ, чѣмъ посѣвъ раньше и на оборотъ. Ржи и пшеницы идетъ на десятину отъ 6 до 8 пудовъ.

Сѣнокосной земли, обмежеванной, по Барабѣ считается до 136,720 дес., средняя производительность которыхъ простирается до 11,842,290 пудъ, такъ что на одну десятину приходится сѣна 86 п. Сѣно заготавливается преимущественно около озеръ и займищъ и состоитъ изъ камыша, бужура и осоки; лугового сѣна, преимущественно по мѣстностямъ около рѣкъ Оми, Тары и Тартаса, сравнительно заготавливается весьма мало. Средняя цѣна за пудъ обходится отъ 4 до 15 коп.

Огородничество производится только для собственнаго продовольствія. Въ огородахъ растутъ капуста, морковь, свекла, лукъ и картофель. Последняго садится до 8-т. четвертей, которыя приносятъ въ урожай до 20-т. четвертей. Около Чанъ хорошо согрѣваютъ даже арбузы, дыни и огурцы, чего нѣтъ въ сѣверной части Барабы.

Табаку засѣвается едва ли около 7 десятинъ и собирается до 50 п. Цѣна на него на мѣстѣ отъ 2 р. 30 к. до 2 р. 40 к. за пудъ.

Скотоводство по Барабѣ могло бы быть весьма хорошо, если бы оно не встрѣчало препятствія въ Сибирской язвѣ и другихъ болѣзняхъ. Въ настоящее время оно представляется приблизительно въ слѣдующемъ видѣ:

лошадей	-	-	-	-	657,440.
рагатаго скота	-	-	-	-	64,740.
овець	-	-	-	-	98,400.
свиней	-	-	-	-	10,000.

Слѣдовательно причитается на каждаго изъ жителей

богве 7 головъ разнаго рода скота. Большая часть скота лѣтомъ продовольствуется въ чертѣ поскотинъ, окружающихъ селенія на известное разстояніе. Зимой не у всякаго хозяина есть для него помѣщеніе при домѣ, а потому онъ бродить повсюду, стараясь добыть подножный кормъ изъ подъ сѣвгу. Вообще, помѣщенія при домахъ для лучшаго скота — грязны и неопрятны, что нерѣдко бываетъ причиною болѣзней и надежей. (*)

Объ улучшеніи скота крестьяне и не думаютъ. Съ каждымъ годомъ скотъ дѣлается мельче, хуже, оттого что крестьяне не въ состояніи замѣнить навшій скотъ лучшими и болѣе дорогими породами.

(*) Во время различныхъ регламентацій Генераль—Губернаторовъ Чичерина и Кашкина, обращено было вниманіе на надлежащее содержаніе скота и издавались не разъ строжайшіе указы о томъ, чтобы крестьяне строили съ этою цѣлю теплые хлѣва и содержали ихъ въ должной чистотѣ и опрятности, вычищая каждодневно грязь и навозъ и устилая полъ сухою соломой или сѣномъ. Впрочемъ, эти указы, какъ видно, не имѣли никогда успѣха, „колько по совершенному невѣжеству и нерадѣнію крестьянъ о сохраненіи своей собственности (такъ сказано въ циркулярномъ указѣ Нижнимъ Земскимъ Судамъ Генераль—Поручика Кашкина отъ 11 Марта 1786 г.), толико и ненаблюденію Нижнихъ Земскихъ Судовъ за истребленіемъ заматрѣвшихъ обычаевъ или, лучше сказать, вкорѣнившихся издавна въ народѣ предубѣжденій и злоупотребленій, отънося всѣ сіи несчастные случаи (падежи скота) на власть Божію и отговариваясь во всѣхъ дѣлахъ унителнаго своего небреженія, якобы на то была неминуемая воля Божія; на противъ чего, Нижнимъ Земскимъ Судамъ, яко поставленнымъ для благоустройства жителей и для попеченія о ихъ благосостояніи, предстоить долге изъяснить, что хотя власть Божія есть и будетъ надъ всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ, но человекъ одаренъ отъ Бога повятіемъ и разумѣніемъ къ отличенію, что ему вредно и что ему полезно, и свободенъ предпринимать то или другое; слѣдовательно, каждый, разумѣвающий, что наилучшее и то неисполняющій, творитъ грѣхъ предъ Богомъ, не употребляя полученнаго дарованія ни себѣ, ни другому на пользу, — въ чемъ состоитъ первѣйшій и главнѣйшій долгъ истиннаго Христіанина.“

„Издавна, говоритъ г. Максимовъ, извозъ составлялъ самый любимый промыселъ русскаго человѣка. Извозъ можно даже назвать по преимуществу русскимъ промысломъ: въ какую бы среду не былъ поставленъ православный переселенецъ или поселенецъ, онъ вездѣ первымъ долгомъ поспѣшитъ обзавестись лошадыю и сдѣлаться извозчикомъ. Лошадка вывозила на первыхъ порахъ извозсѣхъ бѣды и напастей всю русскую колонизацію и колонизаторы наши рѣдко умѣли освободиться съ мѣстомъ безъ помощи извознаго промысла. Въ Сибири, на Барабѣ, русскіе извозчики (вошки) успѣли даже выхолить изъ туземныхъ породъ особую породу обозныхъ лошадей. Въ Сибири, по большому торговому тракту отъ Казани вплоть до Кяхты, промыселъ этотъ сохраняется до сихъ поръ во всей чистотѣ и не прикосновенности; въ особености же сумѣлъ онъ уберечь патриархальное добродушіе и невинные нравы и сохранилъ первобытными людьми тѣхъ, которые занимаются извозомъ въ мѣстахъ Сибири, гдѣ трактъ Сибирскій разошелся съ почтовымъ и потянулся по травяной степи—Барабѣ. Тамъ простодушно чистыхъ людей, занятыхъ извозомъ, иначе и не зовутъ, какъ *дружками*, а дружки они и потому также, что живутъ между собою въ самой тѣсной пріязни, не подѣлая другъ друга, и такую дружную артелью, которую никто не плотилъ, но которая однако ощутительно для всѣхъ существуетъ, и до сихъ поръ никакими кабинетными правилами еще не изломана и не испорчена.— Правда, что и эти вошки китайскихъ чаевъ и московской мануфактуры, съ паденіемъ кяхтинской торговли и съ разведеніемъ на сибирскихъ рѣкахъ пароходовъ, стали упадать силами и количествомъ, но качество ихъ все тоже“.

Торговля какъ лошадыми, такъ и рогатымъ крупнымъ и мелкимъ скотомъ производится преимущественно на ярмаркахъ въ селахъ Вознесенскомъ и Спасскомъ. Отсюда много битаго скота увозится въ Томскъ. Среднія цѣны на скотъ приблизительно слѣдующія:

лошадь	-	-	отъ 30 р.	до 80 р.
рогатый скотъ	-	-	8 р.	12 р.
мелкій скотъ	-	-	1 р.	2 р. 50 к.
свинья	-	-	2 р. 50 к.	4 р. 50 к.
говядина пудъ	-	-	1 р.	1 р. 50 к.
баранины	-	-	90 к.	1 р. 80 к.
свинины	-	-	1 р. 50 к.	5 р.
сала	-	-	2 р. 50 к.	4 р.

О разныхъ родахъ рыбы, водящейся въ барабинскихъ рѣкахъ и озерахъ, мы уже говорили. Уловъ рыбы простирается въ годъ до 55-т. пудовъ.—При хорошемъ уловѣ, цѣны бываютъ на пудъ щуки—80 к., окунь—50—60 к., чебаковъ—12, 15 и 18 к.

Звѣроловство, съ каждагоднымъ уменьшеніемъ звѣря, доставляетъ незначительныя и при томъ совершенно случайныя выгоды. При хорошемъ уловѣ, цѣны бываютъ: на бѣлку по 7 к. за штуку, гsrнстая по 30 к. и на зайца по 5 и по 7 к.

Наконецъ, на пространствѣ Каинской Барабы считается 4 завода—одинъ мыловаренный, одинъ кожевенный и два винокуренныхъ; что же касается до ремесленныхъ производствъ, то они здѣсь существуютъ только для домашняго обихода.

Составилъ Кн. Н. Костровъ.

